

Шамиль Шаукатович Идиатуллин

Россія

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8387573

ISBN 978-5-4474-0258-7

Аннотация

В сердце России начинается Третья мировая война – война нового типа, в которой всё решают СМИ, нефть и высокотехнологичное оружие.

Российская республика Татарстан ссорится с Москвой. Дело доходит до вооруженного конфликта, в который вмешивается Совет Безопасности ООН. Но суверенный Татарстан не намерен подчиняться ни миротворцам, ни превосходящей силе НАТО. И это не безумие или фанатизм, а хитрый расчет, подкрепленный агентурной сетью, отвагой и смекалкой. А также самыми большими в мире стратегическими бомбардировщиками.

Роман был опубликован в 2004 году под названием «Татарский удар». В настоящем издании представлена авторская редакция.

Содержание

Вступление	5
Глава первая	8
1	9
2	14
3	18
Глава вторая	22
1	23
2	26
3	30
Глава третья	34
1	34
2	40
3	44
4	48
5	52
Глава четвертая	56
1	56
2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Россія

Шамиль Идиатуллин

Дело было в Казани, дело кончилось плохо
Борис Гребенников

© Шамиль Идиатуллин, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вступление

Казань.

Ночь на 11 августа

В детстве родители с некоторой даже гордостью говорили, что меня пушками не разбудишь. Гордость эта превращалась в раздражение каждое буднее утро, когда им приходилось как тесто запихивать меня в школьную форму и следить, чтобы я, открыв кран и, выдавив столбик поморина на щетку, не уснул сидя на ванны. Но они сдерживались. А сам я до сих пор несдержанно уважаю себя за умение несмотря на такие свои особенности не опаздывать ни на зарядку (тогда, на закате загадочной советской эпохи, ее ввели по всем школам – классное было зрелище: школьники в синей форме – в том числе усаые десятиклассники, школьницы – в черных платьицах с кружевными передничками, потрескивающими на груди, – выстраиваются в пропахших мелом и пылью вестибюлях школы и 10 минут уныло размахивают руками по системе Мюллера, имя которого давно никому не известно, но подвиг, увы, бессмертен), ни на политинформацию, каковую был обязан вести еженедельно.

Навык успевать в последний момент я сохранил и в университете, и на всех своих работах. Другое дело, что, сделав несколько шагов по карьерной лестнице, я первым делом выторговал себе право приходить в редакцию не когда положено, а когда надо. Потому что годы крепость моего сна не разрушили: так, выдули верхний слой раствора из кладки.

И проснулся я не от шума – тем более, что не пушки это были – а от чувства тревоги, которую я называю про себя папашкиным нюхом. Это из-за него я обычно вскидываюсь, когда в отсутствии Гульки (ушла в поликлинику, например) в детской просыпается Гальчуга и начинает потихоньку реветь. Я в силу некоторой тугоухости первых аккордов не слышу, но сигнал тревоги принимаю и бегу сюсюкать: папа прибеж, молочко принес, кто обидел Галияшку, – сон плохой? – получи, сон, по попке. Именно этот нюх, или как уже его назвать, бросил меня на родительской даче к Нурычу, игравшему себе на наружной лестнице второго домика, за секунду до того, как он потерял равновесие и полетел вниз по ступеням. Я не успел – Нурыч накувыркал двойной перелом левой руки, чего я до сих пор не могу простить ни себе, ни поганому своему нюху.

Секунд пять я пытался проморгаться: голову занимали куски уже напрочь забытого сна – в том числе и ту часть головы, в которой сидят глаза и связанные с ними нервы. Поэтому Нурыча я углядел только через пару секунд, после того, как убедился, что Гулька безмятежно дрыхнет. Сын молча сидел на краю нашей кровати, серьезно уставившись в меня. Видимо, этот взгляд меня и разбудил. Эмпатия, не иначе.

Увидев, что я проснулся, Нурыч заулыбался беззубым ртом. Тут я понял, что ничего страшного, по крайней мере, не случилось, и, чтобы Нурыч сильно не радовался, сердито зашипел:

– Ты чего приперся? Обещал ведь, что один спать будешь!

– Папа, извини. Я просто хотел сказать, что, кажется, праздник начался.

В очередной раз мимолетно восхитившись тому, насколько безупречно вежливые формулировки выдает мой, прямо скажем, нагловатый наследник, я все так же сердито спросил:

– Ты с ума сошел, да? Какой еще праздник?

Нурыч объяснил:

– Так салют же...

– Где салют?

– Где надо. Над Кремлем, – сказал Нурыч. – Пойдем скорее, пока он не кончился.

Я некоторое время помолчал, прикидывая варианты, потом понял, что их, в общем-то, нет.

– Спать ты, пока я не посмотрю, не ляжешь, – констатировал я. Этот наглец тихонько кивнул.

– Ладно, показывай свой салют, – обреченно сказал я и шикнул: – Только маму не буди!

Нургали готов делиться каждой своей радостью, будь то котенок, обнаруженный за мусоропроводом, или очередной выданный им зуб, со всем миром. Дележку он начинал, естественно, с ближайшей родни, причем от подключения к процессу не была застрахована даже годовалая Галия.

Нурыч твердым шагом повел меня в зал, откуда мы в непогожие дни дважды в год, в День Победы и День Республики, наблюдали за прыгающими над Кремлем разноцветными снопами салюта. Правда, до Дня Республики оставалось почти 3 недели, а последний победный праздник во все небо уже и не вспоминался. Соответственно, никакого салюта мой маленький лунатик видеть не мог. Скорее всего, он разбудил меня из-за фигни вроде самопальных петард, пускаемых по поводу и без повода окрестными пироманами.

Салют был. Не совсем, правда, обычный: сквозь густые деревья ближайшей посадки пробивалось необычно яркое марево – и я подумал, что администрация музея-заповедника, похоже, решила усилить подсветку кремлевских стен. А когда над деревьями полетели острые разноцветные брызги, и Нурыч закричал восторженным шепотом: «Вон-вон, видишь?», и через секунду донесся раскатистый гул, я понял, что это не подсветка. И не коммерческий салют, о котором время от времени договаривались крупные казанские фирмы по случаю своих юбилеев.

Я совсем ничего не чувствовал: стоял как замороженный, держал подпрыгивающего Нурыча за плечо и смотрел на феерию света, которая деятельно разворачивалась за Казанкой, в нескольких километрах отсюда. Пучки быстрых искр взлетали в разных точках кремлевского периметра, разом отбеливая половину черного неба. От этого огромные тени стремительно, как подрубленные, валялись на далекие стены, и казалось, что нескольких здоровенных кусков белой ограды уже нет. Что холм, на котором полтысячелетия стоял Кремль, покрылся рвами и воронками. Что губернаторский дворец и торчащая за ним перевернутой белой табуреткой мечеть Кул Шариф пошли неровными пятнами. И что башня Сююмбике, давно пародировавшая Пизанскую башню, перекосилась больше обычного и стала откровенно щербатой. Следующая вспышка высвечивала стены и башни, и все вроде бы оказывалось в норме. Но приглядеться из-за мельтешения ярких пятен не удавалось. Да и смысла не было приглядываться. Я и так видел то, чего, к счастью, не видел сопевший под ребрами сын: как толстыми кипящими свечками вскидывается и через длинную пару секунд опадает вода в Казанке, галогеновой яркости светляки машин на Ленинской дамбе перемешались в кучу, а сама дамба минимум в паре мест потеряла четкость и съехала дорожной плоскостью в воду, будто нагретая солнцем пластилиновая колбаска. Только солнца не было – была ночь, был неблизкий и совсем нестрашный ад, и был неслышный бетонный гул, который щекотал пятки линолеумом и лоб, мелко, – прохладным стеклом, в которое я, оказываясь, уткнулся, стараясь избавиться от совсем не свойственных для этого часа бликов.

Потом все кончилось. Гул затих, марево растекалось сквозь прорези в кронах. Подсветка стен погасла, лишь прожектора в верхней трети Сююмбике давали какой-то дерганный свет. Башня походила на натужную ухмылку легшего на бок Чеширского кота, которая пляшет в воздухе, да никак не решится растаять, помигивая, как фиксой, полумесяцем на шпиле.

Нурыч спросил:

– А что за праздник-то? Ведь если салют, то всегда праздник, да ведь, пап?

– Не всегда, – очень спокойно сказал я. – Не знаю. Завтра узнаем.

– А это новый вид салюта был, да?

- Да, – согласился я.
- А видел, там стены как будто горят? Это лазеры, да?
- Нет, *ulim*¹, просто огонь, – сказал я.
- Как в *Laser Assassins*?
- Круче. Пойдем спать.

Нурыч, счастливый тем, что не пропустил внеплановое зрелище, уснул почти моментально. А я сидел рядом с ним, тихонько гладил сына по голове, и думал, что все время забываю его постричь. И пытался представить себя на месте чиновников ООН, которые совсем недавно объявили нынешний год годом Казанского кремля, торжественно внесенного в список Всемирного наследия, охраняемого ЮНЕСКО, а сегодня, выходит, благословили авиационную группировку НАТО на бомбардировку этого наследия.

И еще пытался понять, на самом ли деле основная вина за налет лежит лично на мне. Пытался – и не мог.

¹ Сынок (*там.*)

Глава первая

Казань.

Апрель

1

– А разве татары писателями бывают?

– Еще как, – вздохнул дядя Юра.

Сергей Каледин

В номер на 12 апреля с меня были два авторских материала. Еще один, посвященный участию казанских ученых в советском адекватном ответе на рейгановскую программу «Звездных войн», Долгов завернул на ранней стадии. На утренней планерке он объяснил приволокшей текст Наташе Соловьевой, что время настало дурное, потому не стоит подставляться по пустякам. Наташа, лелеявшая репутацию склочницы, раскипятилась и потребовала объяснений. Долгов объяснил, что, во-первых, подобные темы наши друзья в погонах любят сливать нарочно, чтобы потом брать журналистов за задницу и судить за разглашение гостайны. Нет, Наташа, до сих пор мы не подставлялись: рассказы зеленодольских конструкторов о разработке сторожевых кораблей для Индии или о пиропатронах для катапультируемых кресел истребителей посвящены давно и официально открытым темам. А с космосом можем влететь. Ведь не факт, что Союз вообще разрабатывал анти-СОИ, и не факт, что эти разработки прекращены. Во-вторых, пусть мы хоть сдохнем, все равно материал будет воспринят как натужный такой свист о боевом товариществе Казани и Москвы. Боевые товарищи, значит, в горло друг другу вцепиться готовы, а мы будем из себя «Блокнот агитатора» изображать. Мне, уж простите, дамы, как-то в падло подмахивать, когда не меня любят. Все, Наташа, диспут закрыт.

Наташа с этим решительно не согласилась, воззвав к авторитету Айрата Идрисовича как непосредственного куратора ее отдела науки и технологий. Айрат Идрисович разозлился и тоже вдавил дуплем.

– Наташа, во-первых, я умоляю не согласованные со мной темы на планерки не выносить. Во-вторых, подумай еще о такой вещи. Под замес могут попасть наши герои. Допустим, Магдиеву не понравится, что на его территории кто-то крепит военное могущество шовинистов, а Придорогину не понравится, что татарская рука залезла в мягкое стратегическое нутро страны. Получится, что мы дяденек подставили. Тебе, Наташа, это надо? – осведомился я.

– Мне нет, – обрадовался Долгов. – Я не для того газету с нуля строил, чтобы в Гапоны попасть. Это самый главный аргумент. Спасибо, Айрат Идрисович.

– *Isän saw bulıǵız²*, Алексей Иванович, – легко сказал я, потому что давно привык не обижаться на неспровоцированные подкусы шефа.

В итоге в космический номер пошел всего один «датский» текст, который, по счастью, в правке практически не нуждался. Девочка из елабужского информагентства писала очень прилично. К тому же история о том, как в Закамье приземлился один из предварительных «Востоков» с компанией мышей и тараканов, свитой очередного «Иван Иваныча» – манекена с подсаженными человеческими органами, – была самоигральной. Нужно было лишь переделать пару официозных оборотов и переставить местами абзацы, попутно отжав из них водичку и обозначив несколько юмористическое отношение к теме. В принципе, этого можно было и не делать, но тогда заметка получалась скучноватой. К тому же я не был уверен, что лет пять–десять назад какая-нибудь местная газета не писала об этом случае. Такую возможность следовало учесть, чтобы привередливый читатель не возмущался тем, что ему впаривают старую историю, а радовался тому, насколько изящно это делают.

² Будьте здоровы

Фактами сегодня могут ограничиваться информагентства. Телевидение берет картинкой, газеты – анализом и оценкой. В общем, стилем.

Со вторым материалом была беда. Глава небольшого казанского банка нарисовал предложения о развитии ипотечного кредитования. Текст занимал восемь страниц, то есть требовал сокращения как минимум вдвое. Естественно, автор чуть не на коленях просил обойтись минимальными правками под тем смехотворным предлогом, что он сам статью ужал как мог и теперь в купели остался совершенно обезвоженный ребенок. Естественно, я клятвенно пообещал материал без нужды не трогать – так, поставить пару запятых, пропущенных вордовским редактором. И естественно, планировал резать насмерть. Умелое сокращение не вредит практически никакому тексту – а уж умения мне было не занимать: за пятнадцать лет и заяц насобачится ножницами клацать. Забавно, что пострадавшие авторы, как правило, покушения на территориальную целостность своих опусов почти не замечали, более того, научник, которого я хронически резал с особенно зверской силой, всегда пылко благодарил за бережное отношение и, по словам коллег, ставил нашу газету в пример другим, нечутко относящимся к штатникам. Знали бы они, что со штатниками творить приходится. Взять ту же Наташу... Ладно.

Проблема была в том, что банкир написал толковую статью, лишь самую малость перегруженную дидактикой и поклонами в адрес республиканских властей. Их удаление сократило бы текст всего-то на страничку – и итоговый объем материала все равно наполовину вываливался из объема, который я самонадеянно запросил на планерке. И чохом выжигать весь политес было неразумно, поскольку заметища была-таки политической, рассчитанной главным образом на внимание тех самым властей – а они обижаются как дети, когда в обращении к ним тексте не видят привычных комплиментов в свой адрес.

Пришлось браться за самый муторный и выматывающий метод точечной правки: вырезать по слову, если повезет – по фразе из каждого абзаца и предложения, страшно радуясь, когда удавалось выбросить строчку зараз. Вместо стандартного получаса это извращение заняло добрых полтора, к завершению которых я ненавидел ипотеку, жилищный вопрос, который так все испортил, редактирование как функцию и банкиров как класс.

В принципе, это было даже хорошо: озлобленный читатель подмечает ляпы и недостатки лучше доброжелателя. А я был очень агрессивен, когда пробежал глазами отредактированную статью. И вынужден был отмякнуть: для столь нудной (в газетах сие называется нужной) темы это был просто шедевр.

Я сбросил его на верстку и приготовился почувствовать прилив сил, бодрости и гордости оттого, что дневная норма выполнена мною досрочно – но обнаружил, что легкая озлобленность не хочет покидать такого молодца, как я. Удивлялся я недолго, до первого взгляда на часы. Пришла пора обедать – а мой организм обычно откликается на нее не желудочными руладами, а впадением в легкую депрессию.

Я тут же позвонил Татьяне, которая верстала завтрашний номер, попенял ей за то, что она до сих пор не поставила и даже не заметила лежащую в каталоге номера банкирскую статью и предложил геен эссен (даже университетская зубрежка и солидная языковая практика, обернувшиеся приличным владением немецким, не излечили меня от привитого детской игрой в шпионов очарования ломаным немецким). Получив согласие, я положил трубку и уже встал из-за стола, когда телефон торжествующе заулюлюкал. Наверняка куражилась Татьяна, имевшая гнусную привычку любую договоренность закреплять контрольным звонком в голову.

Я поднял трубку и приготовился отлать Таньку за непристойную трату времени, но трубка мужским голосом осведомилась:

– Айрат?

– Да, слушаю вас, – взглянув на часы, сказал я.

– Привет, это Петя беспокоит. Как дела?

Я с детства глуховат, и то ли поэтому, то ли по какой другой причине плохо узнаю голоса по телефону. Не всегда помогает даже предупредительность собеседника, сходу называющего свое имя. К счастью, знакомых Петь у меня было всего двое, причем второй давно и безнадежно был Петром Николаевичем и под уменьшительно-ласкательными наименованиями в наших диалогах не фигурировал. Зато первый слегка шепелявил. Так что терзания с идентификацией исключались.

– Это у вас дела, а у нас так, делишки. Добрый день, Петь, рад тебя слышать.

Обоснованность моей поправки Петя подтвердил немедленно, сообщив, что у него ко мне небольшое дело, связанное с публикацией одного интересного материала, так что не могли бы мы встретиться в удобное для меня время, но при этом как можно скорее. Все как всегда, словом.

Петя подошел через 40 минут, когда я уже вернулся из столовой и тягостно размышлял над тем, почему я не езжу на обед домой, где можно вздремнуть, почему я не сплю в кабинете, упав мордой на стол, и как я умудряюсь хоть раз в неделю, но переест так, что бока уже начинают заплывать жирком. Был Петя, как всегда, в дешевом костюме, как всегда, в кепочке, и как всегда, с папочкой.

Первые минуты мы по традиции говорили о детях – я жаловался на Нурькину простуду, а Петя поплакался на карантин, обрушившийся на садик, в меру сил воспитывающий его младшую – так что жена вынуждена взять недельный отпуск за свой счет и теперь боится, что неделей дело не ограничится.

Потом мы разом замолкли: я выжидающе поглядывал на Петю, а он застенчиво вертел в руках кепку и поглядывал на меня из-под детсадовской челки. Я улыбнулся и сказал:

– Слушаю тебя, Петя.

Он оживился и раскрыл папочку:

– Вот... Посмотри пожалуйста – возможно ли это опубликовать?

Капитан Петр Куликов был офицером контрразведки, ответственным, в частности, за так называемое фиксирование контекста. Схема известная: надо, например, показать Западу, что россияне в массе своей негативно воспринимают попытку требовать со страны долги Парижскому и Лондонскому клубу в полном объеме. Чекисты получают задание, в котором определены основные параметры народной точки зрения, заказывают экспертам, чаще всего нештатным, базовый текст, который предлагают для публикации доверенным журналистам. Статьи немедленно попадают в обзоры региональной прессы, выполняемые целой кучей агентств, в том числе и зарубежных, – и после этого никто не смеет спорить с тем, что проблема суверенного долга страшно беспокоит общественное мнение в большинстве развитых субъектов РФ. Причем это мнение едино – так что упорствующим в своих заблуждениях кредиторам предстоит преодолевать не капризы отдельных переговорщиков в ранге вице-премьера, которых можно и скovyрнуть, а консолидированную позицию полтора сотен миллионов россиян, которых скovyривать значительно труднее – да и некуда.

И это ведь не вранье: статьи действительно появляются, а поскольку написаны они, как правило, довольно качественно, то и воздействие на читателей оказывают несомненное. И не так уж важно, что было первым, курица или яйцо: сформулировавшая позицию общественности статья или формирование этой позиции демилитаризованными экспертами.

Не знаю, как остальные газеты, но мы шли навстречу гэбэшникам исключительно из собственной сердечной доброты. То обстоятельство, что с чекистами лучше не ссориться, принималось во внимание менее всего – с журналистами тоже если кому и ссориться, то только не чекистам. Главным фактором была классическая верещагинская обида за державу и желание эту обиду перебороть наиболее конструктивным способом. Наконец, ни одна хоть

чего-то стоящая газета не откажется от темы, предложенной хоть ментами, хоть бандитами, хоть чертом с рогами, если эта тема интересна читателям.

Никакой оплаты или особой благодарности за содействие я от Пети не требовал. Так, позвонил ему разик, когда готовил заметку про высланного из России сотрудника ЦРУ Патрика Холлингсуорка, в свое время засветившегося именно в Татарстане. Но сделал я это, скорее, из педагогических соображений, чтобы Куликов не думал, что сотрудничество с прессой – это такой шоколад с цельным орехом. На самом деле у меня были более совершенные и отработанные источники, которые в итоге и помогли с материалом (Петя-то очень старался, но выдал устаревшую и куцую казенщину). Еще раз он пообещал мне действительно бомбу – про то, как советники президента Татарстана Рахимов и Ецкевич получали деньги от неких иностранцев. Но ни документов, ни информации я не получил: через пару дней Петя извинился и попросил временно обо всем забыть. Я и забыл.

Требовать от Пети отработки было особо не за что: до сих пор он обращался за содействием трижды. Одну статью – как раз про долги – мы напечатали. Еще с одной, про выборы президента США, не получалось по срокам – из-за каких-то праздников мы пропускали пару номеров и выходили только после выборов (Куликов все-таки выкрутился, пристроив материал в одно из казанских интернет-изданий). Наконец, последнюю Петину просьбу я отклонил с ходу: он притащил невероятно занудный материал о российской позиции по эритрейско-эфиопскому конфликту, к которому Татарстан при всей его вездесущести привязать было решительно невозможно. Петя тогда тягостно вздохнул, но с моими доводами согласился. Я потом несколько недель интересу ради обшаривал интернет вообще и мониторинги региональных СМИ в особенности, и не мог не восхититься изощренностью иркутских, кажется, коллег, опубликовавших материал на том основании, что ровно 10 лет назад из Эфиопии вернулся последний местный инженер, помогавший черным братьям строить ГРЭС.

В этот раз осложнений не предвиделось. Принесенный Куликовым текст выглядел как обычно: несколько прошедших ксерокс страниц, стандартно распечатанных двенадцатым кеглем, с чистым полем вместо шапки и названия (при ксерокопировании грифы и любые пометки, позволяющие идентифицировать принадлежность текста, закрывались полоской бумаги). Но содержание было убойным.

Автор высказывал предположение, что в течение ближайших десять месяцев США вынудят НАТО ввести против России небывало жесткие санкции, чреватые возможностью применения военной силы. Поводом для этого станет резкое обострение отношений между официальными Москвой, продолжающей выстраивать унитарную схему управления государства, и Казанью, продолжающей отстаивать никем не отмененный республиканский суверенитет.

Возможность стороннего силового вмешательства в этот сугубо внутренний конфликт автор расценивал как очень серьезную. Он предполагал, что США обязательно используют обострение конфликта для того, чтобы исполнить давно заявленную мечту: развалить Россию на семь—восемь новых государств, независимых ото всех, кроме Вашингтона. Большая часть заметок была посвящена обоснованию того, что югославский вариант 1999 года, с эскалацией напряженности вокруг косовского конфликта, бомбежками и интервенцией – может произойти уже в ближайшие три—четыре месяца. При этом автор основывался главным образом на косвенных признаках и собственной логике, но цепочка доказательств была выстроена весьма искусно – так что я, несмотря на некоторые сопутствующие обстоятельства, не мог не восхититься качеством текста.

Я прочитал материал дважды – первый раз в некотором ошеломлении, второй раз – вдумчиво, пытаясь найти изъяны. Потом поднял глаза на Петю.

Капитан Куликов напряженно спросил:

– Ну как?

- Круто, – сказал я.
- И это возможно напечатать? – поинтересовался он.
- А думаешь, надо? Смеяться над нами не будут? – уточнил я.
- Не будут, – пообещал Петя, немного покраснев, и добавил: – А напечатать очень надо.
- Ладно, – сказал я, подумав. – Сегодня у нас понедельник. Как насчет среды или четверга?
- Класс, – с удовольствием выдохнул Петя. – Только, Айрат, пожалуйста – чтобы не было дословного цитирования... Своими словами, ладно?
- Вот с этим было трудно. Слова и так были мои. Потому что этот текст писал я.

2

Мне нравится БГ, а не наоборот.
Александр Башилачев

С Петей мы познакомились в середине девяностых, когда я неожиданно для себя оказался в составе правительственной делегации во главе с премьер-министром Татарстана, отбывавшей на заслуженную и страшно напряженную работу в город Париж. Столь чудесной оказией я был обязан давнему приятелю, который служил-служил себе малозаметным чиновником, да вдруг пошел в гору и дорос до заместителя министра внешних сношений республики. Он по старой дружбе и всунул меня пару раз в эскорт, обеспечивающий промоушн столь интимного дела, как внешние сношения.

Включение ничем не примечательного журналиста малотиражной деловой газеты в делегацию, в которую традиционно (в силу известных предпочтений чиновников, резонно полагающих, что слово было только вначале, а теперь наступил черед картинки) допускались только официальные фотографы и телеоператоры, потряс журналистскую тусовку во главе с оскорбленным пресс-секретарем Кабмина, которого попасть на Елисейские поля не взяли.

Затем настал черед трястись мне – не от страха или гнева, а от изумления. Изумишься тут, когда за два дня до отлета звонит тебе запинаящийся субъект, представляется сотрудником КГБ и предлагает встретиться и поговорить «по поездке». Я решил, что мне либо немедленно дадут ручку с цианидовым пером – на случай, если премьер, надышавшись отравленным свободой галльским воздухом, пополнит нестройные ряды невозвращенцев и выдаст Главную тайну независимого Татарстана, которую знает каждый мальчишка, но никому ее не говорит – потому что в падло. Либо же со мною наконец-то проведут инструктаж про коварный зарубеж и буржуазную заразу.

На самом деле все было еще запущеннее: старлей Петр Куликов, оказавшийся моим ровесником чрезвычайно застенчивого вида, попросил меня всего лишь поглядывать, не попытается ли кто-нибудь из представителей встречающей стороны затеять какую провокацию против гостей. Как именно может выглядеть провокация, Петя толком объяснить не смог – видимо, потому, что термин «провокация» в его советском понимании выглядел безнадежно устаревшим даже с точки зрения кадрового гэбэшника, а свободно-российское понимание к тому времени еще не созрело.

В итоге мы сошлись на том, что я буду руководствоваться невыразимым гражданским чувством, каковое поможет мне если не пресечь, то обратить внимание на попытки встреченных французских политиков, бизнесменов или журналистов как-то скомпрометировать нашу сплоченную группу и представляемую ею республику в целом.

Наблюдатель из меня оказался аховый, ничего я подозрительного не заметил, кроме, разве что, подозрительной страхолюдности хваленых француженков. Но докладывать об этом как о части антитатарского заговора, призванного отвратить республику от европейской цивилизации, я Пете не стал. Так что старлей Куликов, бдительно позвонивший в первый же день после моего возвращения, только повздыхал, тем не менее, многословно поблагодарил меня за отзывчивость – и распрощался, как я решил, навсегда.

Несмотря на это, при первой же встрече с Ильдаром Саматовичем (тогда он еще заходил в редакцию) я решил поинтересоваться, не знаменует ли бурный интерес, проявляемый уважаемым комитетом к моей скромной персоне, возвращение к старой сказке про белого бычка. Ильдар с ходу отвечать не стал, но удивился – или притворился удивленным – и поспешно раскланялся. Он перезвонил через час, чтобы посетовать на извечную болезнь

разветвленных структур, где правая рука не знает ничего про левую (да и как ей знать, если у руки мозгов нет), и официально заявить, что господина Куликова и любых других представителей конторы, буде они возникнут на моем горизонте, я могу посылать с легкой душой и в любом направлении. И только врожденная вежливость не позволила мне ответить в том плане, что это правило вполне распространяется на самого подполковника Ильдара Гильфанова, замначальника аналитического управления КГБ Татарстана.

С Гильфановым мы были знакомы лет восемь. То есть поначалу полноценным знакомством это назвать было никак нельзя, потому что первые месяцы я совершенно не представлял себе, кем является рыжеватый сухопарый мужик лет под сорок, примерно раз в месяц возникавший в кабинете верстки нашей редакции. Он подолгу сидел за компьютером, возился с верстальной программой, попутно открывая букеты окошек, содержимое которых я видел только в кино про хакеров: какие-то столбцы цифр и команд, сменяемые допотопными трехцветными заставками. Я решил, что дяденька представляет компьютерную фирму, которая по договору обслуживает наш верстальный антиквариат. Необходимость в этом была острейшая: станцию верстки мы закупили в начале 90-х в Германии, за дикое по тем временам деньги, пожертвованные руководством республики на развитие свободной прессы. Само собой, аппаратуру сами чиновники и выбирали – и, по их собственным словам, выбрали наилучшую и наидешевейшую. Насчет дешевизны они, похоже, не врал, лишь скромно обходили стороной тот момент, что львиная доля переведенной в братскую Германию суммы тут же откатилась в карманы официальных покупателей. А заявления о наилучших подтверждались разве что известным слоганом про качество, проверенное временем. Время проверило эти сундуки с электроникой как только могло. И занималось этим довольно долго – только некоторое знакомство с историей прикладной кибернетики не позволяет мне утверждать, что именно на наших компьютерах верстались первые издания *Mein Kampf* и все без исключения номера *Voelkischer Beobachter*.

Так вот, первые месяцы поглазеть на нашего зверя под сложным названием Poltype-Monotype сходилась вся полиграфическая Казань, восхищенно цокавшая языками и хлопавшая ладонями по тучным от сидячей работы ляжкам. Пару лет спустя, когда все предприятия и учреждения обзавелись полноценными пишущими и маками, иссякший поток ходяков формировался исключительно из ремонтников, которые являлись гальванизировать наш паритет, а самые отмороженные из них – просто поржать. Последних мы гнали.

Рыжеватый дяденька выделялся на общем фоне разве что аккуратной одеждой, прической и особенно приятной отмытостью, а также тем, что занимал рабочее место верстальщика не более десяти—пятнадцати минут. Я же не знал, что он не починает примус, а скачивает из него отдельные программы – не иначе, для музея КГБ (не для криптографических же нужд) и копирует некоторые номера нашей газеты. Эту тонкость я выяснил почти случайно, когда в разговоре с Долговым посетовал на то, что наш сундук ломается до безобразия часто – так, что уважаемого техника приходится приглашать чуть ли не каждую неделю. Тогда шеф и объяснил мне, что этого техника не приглашают – он сам приходит.

Данная истина подтвердилась буквально через неделю (все-таки в параноидальных хохмах про жучков, установленных в каждом табурете, доля правды особенно велика). Уважаемый техник, деликатно постучав, заглянул ко мне в кабинет и испросил десять минут для важной беседы. Здесь он и представился официально, как у них принято – с быстрым сованием раскрытой корочки под нос собеседника, – и сообщил, что комитет и родина жутко нуждаются в моей помощи. Я тут же сообщил, что работать в КГБ меня уже звали, почти сразу после окончания университета, и я отказался. И с тех пор не передумал. Ильдар Саматович мило засмеялся и поинтересовался почему. Для краткости я сообщил, что в шпионы не гожусь из-за болтливости, в контрразведчики – из-за неодобрительного отношения к любому режиму и субординации, к тому же меня полностью устраивает нынешняя спе-

циальность, и примерно до пенсии я менять ее не намерен. Я не стал уточнять, что в ходе той давней беседы меня особенно разочаровало одно простенькое обстоятельство: пригласивший меня на Черное озеро усатый майор в штатском, наизусть зачитавший мои биографические данные, даже не знал, что я женат, что занят безнадёжным воспитанием двухлетнего сына, и что живем мы давно не по записанному в майоровой шпаргалке адресу. Если уж гэбэшники не способны выяснить такой малости, подумал тогда я, на что они вообще способны?

Выяснилось, что на многое. Гильфанов, тогда тоже майор, заявил, что я нужен родине и комитету совсем не в качестве штатного сотрудника. Тут я заржал и начал подниматься с места, чтобы поскорее завершить ненужную беседу. Майор ухмыльнулся в ответ и попросил не делать поспешных выводов, а дать ему полминуты, чтобы закончить мысль.

В законченном виде мысль сводилась к следующему: вопросы государственной безопасности умеют столь много гитик, что самые умные гэбэшники отвечать на эти вопросы в достойном объеме просто не успевают. Поэтому чекисты давно научились занимать ума на стороне – у привлекаемых от случая к случаю экспертов, одним из которых предложено стать и мне. Это несложно, не противно и совсем не больно: надо лишь время от времени, очень редко, письменно размышлять на заданную Ильдаром Саматовичем тему – в любой тональности и на совершенно добровольной и, скорее всего, взаимовыгодной основе. Нам от вас нужна не информация, а аналитика, объяснил майор.

Тут я начал кокетничать, говорить, какой я вам аналитик. Гильфанов пресек такое мое недостойное поведение парой изощренных комплиментов и сообщил, что именно моего видения ключевых проблем до сих пор не хватало, чтобы навести полную безопасность на территории Татарстана, а то и всей России.

В общем, он меня уломал – после того, как я заявил, что намерен заниматься только тем, что мне интересно, и только на моих условиях, в числе которых я сразу оговорил возможность использовать свои тексты при подготовке журналистских материалов, а также в случае необходимости обращаться в КГБ за информацией (пассаж о взаимовыгодности сотрудничества я предпочел понять только так). Это мне было обещано – в самых закрученных выражениях: «это не в наших правилах, но для вас, в виде исключения – и зная, что вы не будете злоупотреблять, так что все, что в наших силах» и т. д.

Конечно, я не сказал, что готов начать немедленно. За меня это сказал Гильфанов, оказавшийся тем еще ковалем горячего железа. Он извлек из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок и предложил подумать над вот этой темой. Темой оказались бледно напечатанные матричным принтером вопросы, так или иначе сводившиеся к опасностям, подстерегавшим Татарстан при самостоятельном налаживании им внешнеэкономических, а особенно внешнеполитических связей.

Так я стал внештатным экспертом аналитического управления КГБ республики. По классической схеме, через пару месяцев, когда я навалил вторую справочку – про возможные способы внебюджетной поддержки научных учреждений, кажется – Ильдар объявил, что такие дела бесплатно не делаются, и предложил поставить наши отношения на нормальную финансовую основу. Я резко отказался. Ильдар, помявшись, сообщил, что его начальство такого подхода не поймет. Я ответил, что при всем моем уважении к майору Гильфанову не могу считать данное обстоятельство своей проблемой, и если комитет не устраивает нынешняя схема сотрудничества, то меня не устраивает никакая другая. Тогда он попросил меня не в службу а в дружбу встретиться с его начальником, от которого и исходят настоячивые просьбы упорядочить отношения.

Я интереса ради согласился – и не пожалел. Встреча получилась захватывающей, как в шпионском фильме. Ильдар позвонил и попросил подойти к 13.00 к столику администратора реконструируемой гостиницы «Казань», расположенной в двух шагах от редакции,

на той же улице Баумана. Я, как путевой, подошел, потолкался в запертую наглухо дверь, пожал плечами и вернулся на работу. Через минуту перезвонил заметно удивленный Ильдар, а когда я кротко выразил собственное недоумение итогами похода, охнув, уточнил, что входить ведь надо через запасный вход – «я думал, вы знаете». На эту вздорную реплику я не отреагировал, и, как оказалось, поступил умно. «Казань», вопреки моим представлениям, была набита народом, поскольку ремонтировалось только левое крыло, а правое было отдано на растерзание разнообразным офисам. Тем не менее, вылупившийся из-за будки «Ремонт часов» Ильдар повел меня именно налево – на второй этаж, по засыпанному мелом и кусками щебенки ступенькам и неровно сваленным доскам, мимо прислоненных к ободраным стенам пакетам стекол.

Полковник, имя которого я тут же забыл (Рустам Ильдусович или Марат Ахметович, что-то распространенное, в общем) – кудрявый, усатый и безумно энергичный брюнет – ждал меня чуть ли не с распростертыми объятьями за самой обшарпанной дверью без номера. Полкан убалтывал меня полчаса, очень разнообразно и квалифицированно (Ильдар молча сидел в сторонке на строительном топчанчике), и я, быть может, согласился бы с каким-нибудь из его предложений – у нас в это время совсем с деньгами было худо, – если бы живо не представил себе, как гэбэшники после очередной смены начальства или просто из оперативной необходимости в один прекрасный момент обнародуют мою расписку о получении денег, или еще какое заявление – и как я буду тщетно доказывать всему миру, что не стукач и не верблюд.

Полковник отстал только после того, как я утомился виртуозными петлями и иносказаниями, и на сетования по поводу того, что вот я оказываюсь допущенным к секретной информации, а они, значит, не имеют никакой гарантии того, что я эту информацию не разболтаю – так вот, на сетования я снова ответил предложением в таком случае прекратить наши контакты, чтобы подобных опасений впредь не возникало. Тут сиротское выражение с лица полковника как водой смыло, он рассмеялся и сказал, что, честно говоря, не верил Ильдари Саматовичу, жаловавшемуся на упрямство столь юного журналиста, но теперь, убедился сам – и зауважал меня еще сильнее, чем уважал раньше, в заочном, так сказать, порядке. «Ах ты сволочь», добродушно подумал я, засмеялся в ответ и поинтересовался, остается ли в силе договоренность об обмене информацией. Полковник заверил, что да.

Сильного-то обмена не происходило, мы с Ильдари не особенно досаждали друг другу – тем более, что вскоре он прекратил визиты в редакцию, а вместо него регулярными допросами нашего компьютера занялась какая-то тетка, объяснившая гильфановское манкирование прежними обязанностями тем, что не барское это дело. Забегал он редко, но метко – прямо в мой кабинет, и каждый раз с бледным листочком.

Каждый декабрь надо было определять основные политические и экономические опасности наступающего года. Кроме того, примерно раз-два в год майор (с позапрошлого года подполковник) просил меня выдать свою точку зрения на отдельные проблемы: то опасности падения уровня жизни, то безработицы, а то и способов борьбы с коррупцией.

А я где-то раз в квартал, наткнувшись на полное отсутствие данных по поводу какого-нибудь ареста или загадочного обнаружения бомбы, звонил Ильдари – и, надо отдать ему должное (попробуй не отдай), получал либо исчерпывающий ответ, либо авторитетное подтверждение того, что КГБ здесь точно не при чем.

Текст про натовскую интервенцию я написал в марте, в ответ на внеплановую просьбу Ильдара оценить перспективы развития политической ситуации в ближайшие полгода. Удивляться скоропостижности этой просьбы не приходилось: за неделю до этого Госдума проголосовала за внесение в Конституцию поправок, посвященных изменению административно-территориального деления России. В соответствии с этими поправками, 89 регионов окончательно объединялись в семь округов и одну особую территорию – Чечню.

3

– По-моему, это враки.

– По-моему, тоже. Это один из наших людей только что передал.

Все, что они передают, – либо враки, либо клевета.

Ивлин Во

Статью «В ожидании интервенции» мы опубликовали, как я и обещал, в четверг. Шеф был в курсе моих особенных отношений с конторщиками, а я был в курсе, что он дружит домами с зампредом республиканского КГБ Фаттаховым – и, судя по всему, после каждой инспирированной чекистами статьи дает тому понять: комитет настолько обязан нашей газете, что не может держать в секрете от нее совершенно ничего. Судя по рассказам шефа, Фаттахов на такие намеки реагировал добродушным ржанием – но свою порцию эксклюзива «Наше все» получало исправно.

Обычно Долгов категорически отказывался читать мои заметки до их постановки на полосу. Я однажды – из кокетства, честно говоря, – поинтересовался причиной этого феномена. Шеф исподлобья, поверх очков, посмотрел на меня и буркнул: «Что, будем ваньку валять?..»

На сей раз в силу отороженности темы и ее воплощения я настоял на валянии несчастного ваньки – и получил довольно редкую – пятую или шестую за десять лет работы с Долговым – возможность гордиться, что пробил легендарное хладнокровие шефа – или хотя бы чуть поднял градус. Реагировал он в своеобычной малольстивой манере: пару раз хмыкнул, потом, все так же не отрываясь от экрана, нашарил новую пачку, вскрыл ее и, гадливо морщась, задымил. Я деликатно сделал шаг назад и не напомнил шефу о вчерашнем его обещании ограничиваться пачкой в день – так он отреагировал на случившийся во время планерки звонок врача, напоминавшего о необходимости в течение ближайшей недели явиться на плановый осмотр.

Дочитав, шеф развернулся ко мне, снял очку и помял пальцами глаза. Я ждал. Он освободил один глаз, хитро глянул на меня и протянул: «Да...» Я заулыбался. Он спросил:

– И ты прямо своей фамилией, не Идрисовым будешь подписываться?

– Да, – сказал я. – Имею право. А что, Алексей Иванович?

– Не-не, нормально. Имеешь право, – согласился шеф.

Статьи, написанные под заказ или по чужим исходным материалам – информагентств, например, – я подписывал псевдонимами, источниками которых служили мои многочисленные и разноименные родственники. Но под материалами, чреватými скандалами или разборками, я всегда ставил собственное имя – чтобы никто не думал, что я боюсь, и чтобы лишний раз не раскрывать псевдонимы на возможном суде. На сей раз я решил подписаться, скорее, из тщеславия. В конце концов, текст был на 200 процентов моим, и совсем неплохой текст, надо сказать. Не то чтобы я ожидал, что московский Кремль, НАТО или ООН потребуют от меня сатисфакции – я грешным делом вообще сомневался, что мое бессмертное творение попадет под светлые очи обитателей этих уважаемых структур. Зря, как выяснилось, сомневался.

Поначалу все было как в прорубь: ответом на публикацию стали, во-первых, оперативные ехидные звонки нескольких коллег, поздравивших меня с присвоением звания пикейного жилета глобального уровня. Во-вторых, три подписанных невразумительными никами электронных письма: авторы двух делали изощренные и густо пересыпанные орфографическими ошибками комплименты моей фантазии, а еще один объяснял, что оккупация России западным миром – единственный способ наладить нормальную жизнь в стране. Наконец,

до самой субботы мне пришлось отвечать на звонки разгоряченных пенсионеров, главным образом, доказывавших, что капиталистическая интервенция России началась уже давно, все вице-премьеры антинародного правительства, от Гайдара до Борисова, были штатными офицерами американской разведки и магистрами масонской ложи, которых пора подвесить за причинное место, а наша буржуйская газета раз в жизни написала правду, но это ее не спасет от волны народного гнева, которая, спасибо Придорогину, близка.

Потом была неделя затишья – я даже сообщил звонившему замерить погоду Пете, что выстрел, похоже, получился холостым. Тот в обычной манере помямлил что-то ободряюще-извиняющееся и грустно распрощался.

А потом прорвало.

В понедельник мою статью перепечатали два ведущих издания Рунета – *Newspaper.ru* и *RussiaToday*. *Newspaper* была сдержана и холодна, сопроводительный текст сводился к предложению полюбоваться, что там у них в казанских СМИ творится, и блиц-комментариям нескольких думцев, политологов и даже представительницы НАТО, которые, ясен перец, не оставляли от моих выкладок даже огрызков. Завершалась сопроводилка необязательными инвективами в адрес провинциальных аналитиков.

Зато в *RussiaToday* я удостоился похвал самого главного редактора, посвятившего моим упражнением очередную крупномасштабную колонку. Похвалы, впрочем, относились, исключительно к дерзости мышления провинциального автора и продемонстрированной им способности на современном материале довести до абсурда любую бесспорную идею, к каковой комментатор отнес неизбежность глобального передела сфер влияния, способность политических конфликтов вываливаться за цивилизованные рамки и желание США, прикрытого щитом ООН, заставить всю планету жить по придуманным в Вашингтоне правилам.

Во вторник сорвались с цепи бумажные издания. «Известия» поставили в подвал первой полосы статью «Казанское хамство» с подзаголовком «Нас пугают, а нам не страшно». «Комсомолка» заняла первую полосу коллажом, на котором неустановленный азиат в угловатой узбекской тюбетейке – видимо, я – сыпал из горсти украшенные американским флагом бомбы на московский Кремль. Называлось это дело, как положено, в рифму: «Казанская истерика: татары ждут Америку».

«Советская Россия» отнеслась к статье с понятной благосклонностью, обоснование которой называлось «Сказка – ложь, да в ней намек». Сочувственно настроенным оказались почему-то и «АиФ», которые рассказали про «Большую войну маленькой газеты».

Потом настал черед телевидения и глянцевого еженедельников. Потом – европейских и американских СМИ, которые никак не могли сойтись во мнении, имеют ли они дело с бредом квасного патриота-одиночки, или с выражением мнения большинства россиян – и не пора ли в последнем случае цивилизованному миру, превратившемуся в жупел для бывшей империи страха, подумать об изменении своего имиджа. Особняком стояла заметка в «Жэминь жибао», автор которой пространно рассуждал об общности судеб и пути Китая и России, а затем в абсолютно китайском стиле, нехарактерном, по-моему, для партийной прессы, делал вывод: «Правители великих стран несут ответственность не только перед своим народом, но и перед всем человечеством. Великие помнят об этом, слабые узнают слишком поздно».

Шеф сиял: такого рейтинга цитируемости, какой мы заработали легким движением хвоста, не было, возможно, ни у одного регионального издания в истории упомянутого человечества. И кого волнует, что причиной этого стали не столько объективные достоинства опубликованного материала, сколько – я это прекрасно понимал – временное малотемье, поразившее СМИ. Апрель выдался на удивление спокойным, горячие точки остыли, само-

леты не падали, думцы не дрались, ньюсмейкеры помалкивали, – а газетные полосы и эфирные минуты надо ведь было чем-то забивать. Забивали, получается, мною – и меня.

Коллеги называли меня исключительно поджигателем войны – им, балбесам, было смешно. Жена нервничала и страшными словами хаяла моих ругателей. Сын поставленным истошным голосом звал меня к телевизору, когда там вновь начинали склонять нашу несчастную фамилию, и торжествующе озирали всех ее носителей, закусив щеки изнутри – чтобы сдерживать ликующую улыбку. Дочь болтала ногами и пыталась засунуть кулак в рот примерно до локтя. А я ни на что не реагировал и почти ничему не удивлялся. Потому что впал в ступор еще в понедельник, после знакомства с рецензией Newspaper. Меня поразила фамилия бабы, давшей мне отлуп от имени НАТО – Элленбоген. Именно так в прошлом году я назвал представителя НАТО, упоминавшегося в насквозь придуманной для первоапрельского номера статьи о том, что Татарстан не сегодня-завтра вступит в Североатлантический альянс в статусе наблюдателя-партнера. И статус, и все фигуранты заметки были рождены моим воспаленным воображением. Гильфанов потом специально забежал в редакцию, чтобы выразить свое восхищение и рассказать, какая паника царила в соответствующем департаменте конторы сразу после прочтения первоапрельского номера «Нашего всего» (там еще много чего было: нормативы отжимания и подтягивания для чиновников Кабмина, репортаж из хранилища Нацбанка, в котором ждет своего часа валюта республики, сообщение о том, что все иномарки, якобы ввезенные автосалонами республики, на самом деле собираются в спеццеху КамАЗа, и так далее).

В жизни фамилии Элленбоген я никогда не встречал, поэтому и назвал так придуманного парня. А слово, по-немецки означающее локоть, я узнал и запомнил только по собственной дури – это стало едва ли не единственным результатом упорной работы над переводом мюнхенского руководства по айкидо, которой я занимался на третьем, кажется, курсе, когда пытался стать теоретиком кунфу и прочей боевой науки (вру, были еще результаты: я узнал слова катана и хакама, благодаря чему воспринял появление на политической сцене Ирины Хакамады как визит симпатичной родственницы).

Объявление настоящей Ханна-Лоры Элленбоген, представляющей именно НАТО, из меня словно жилы вынуло.

Вот я, дурак, и сообщил Джейсону, что ощущаю себя без малого Демиургом, который нечувствительно придумывает совершенно нереальную вселенную, а потом сталкивается с ее вещественными – и довольно твердыми – проявлениями, смело против меня, Демиурга, и выступающими. Джейсон прилежно записал эту мудрость и даже переспросил, кто такой Демиург. Я объяснил как мог.

Джейсон Крюгер был корреспондентом газеты *Washington Times*. Он примчался в Казань через неделю после публикации моего треклятого шедевра и напросился на встречу. Вообще-то я давно зарекся давать интервью – просто исходя из того, что по жизни должен решать прямо противоположную задачу. А после того, как насладился винегретом из себя по различным телеканалам (сдуру согласился объяснить причину и смысл появления «В ожидании интервенции» Алсушке, любимой воспитаннице и лицу ГТРК «Татарстан», а та, раз использовав, очевидно, поставила продажу пятнадцатиминутной беседы на поток, и даже авторские мне, гада такая, не заплатила), понял, что в глупом ящике для идиота я смотрюсь соответственно и аутентично.

Но из уважения к проделанному господином Крюгером пути я согласился принять американского коллегу в своем кабинете. Коллега оказался щупленьким белесым парнишкой лет 25, в тертых джинсах, сильно ношеном пуловере и изуродованных нашими лужами желтых замшевых ботинках, зато с могучим цифровым рекордером. Беседа с вашингтонцем была вполне цирковой: он толком не знал русского, и, наверное, только врожденная интел-

лигентность и меланхоличность удерживала господина Крюгера от истерического хохота над моим пиджин-инглиш. Но в итоге мы друг друга поняли. Так я думал.

Через неделю в *Washington Times* вышла статья «Враг, придуманный в мусульманском сердце России», после прочтения которой мне поплохело. Джейсон с грехом пополам, но без особых передергиваний, пересказал суть моей статьи и привел пару моих аргументов. Правда, я был отрекомендован как «помощник главного редактора казанского журнала «Все для нас», но это было божией росой по сравнению с пургой, которую намел Джейсон, вырвавшись за тесные рамки основной темы. Он написал, что господин Летфуллин, молодой интеллектualan с нехарактерными для азиатов зелеными глазами (во дальтоник-то, подумал я, оторвался от чтения и пошел искать зеркало, которое, впрочем, никакого утешения мне не принесло), в беседе с ним сослался на древнюю легенду о Демми-урге, которого татары, ведущие свой род от Чингис-хана, называют создателем Вселенной для их избранного народа. Дальше Джейсон уже от себя сообщил, что именно эта избранность заставляет Татарстан противостоять имперскому нажиму, и борьба сия будет вечной.

Уже на следующий день *Washington Post*, видимо, ревниво следящая за успехами младшего товарища, ехидно принялась рассуждать о новых мифологиях, зарождающихся на просторах бывшего СССР: сотрудник научного журнала в азиатской мусульманской республике уже приписал себе авторство древнейшей легенды, восходящей к библейским источникам. То ли еще будет, ой-ей-ей.

Стыдиться положено было не мне – но объяснять эту тонкость каждому встречному я не собирался, и мучился молча. И даже не стал ничего писать балбесу Крюгеру – все равно изменить ничего невозможно, так что пусть уж парень гордится своей взрослой поездкой в страшную Россию, а не стыдится ее плачевных результатов.

К счастью, к тому времени отечественные СМИ уже закончили пережевывание «казанской паранойи» и на вашингтонские запоздалые залпы не отреагировали. Этим все и закончилось. Я ж говорю, так я думал.

Глава вторая

*Вашингтон.
5 мая*

1

Зато мы делаем ракеты.
Юрий Визбор

Джереми Майер, помощник президента по национальной безопасности, традиционно выступал перед шефом с получасовым докладом в понедельник после обеда. Традиция эта за все время нарушилась лишь дважды, когда резко обострялся очередной конфликт в зоне действия американских миротворцев – тогда Майер на полторы-две недели переводил общение с президентом в ежедневный режим. На сей раз арабы, персы, южные славяне и прочие варвары, по всем признакам, от привычки к запредельному зверству и нарушению железных договоренностей отдыхали – однако уже в среду утром Майер запросил у президента аудиенции, на которой, по его словам, должны были присутствовать руководители министерств обороны и безопасности, а также ЦРУ. «Что, русские готовы высадиться на Аляске?», – пошутил президент. Майер, не улыбнувшись, ответил: «Вы знаете, господин президент, когда выстрел, сделанный наугад, поражает сердце мишени – это вмешивается рука Господня».

«Боже мой», – сказал Бьюкенен – и совещание состоялось уже в четверг, как только срочным порядком вернулся из Европы министр обороны Уильям Хогарт. Бывший замглавы Университета национальной обороны все не мог насладиться игрой в солдатики, а потому обрушивался на любые заметные военные учения, в какой бы точке земного шара те не происходили. Эта особенность снискала министру уважение рядовых и сержантов и искреннюю неприязнь среднего и старшего командирского состава, которому совершенно не улыбалось демонстрировать героизм и выучку – тем более учебные – под зорким оком высшего начальства. Президент был, скорее, солидарен с генералами, но вышучивать – в своей манере – Хогарта не торопился, поскольку ценил его несомненные стратегические и административные достоинства.

Как всегда после командировки на маневры Хогарт выглядел так, словно только что вернулся из полноценного отпуска где-нибудь на Гавайях: был свеж, загорел и страшно активен. Остальные участники совещания имели на этом фоне особенно кислый вид. Президент подумал, что на следующие маневры, видимо, поедет не министр обороны, а верховный главнокомандующий. Такой вояж поможет развеяться, добавит популярности как минимум среди самых дисциплинированных избирателей, военных и женщин, и самое главное, не будет выглядеть предвыборным жестом, поскольку до выборов еще два года. Не так уж много, поправил себя президент, но тут Майер начал говорить, время от времени обращаясь за помощью уточнявших кое-что мрачных силовиков, и президенту стало не до посторонних мыслей.

По словам Майера, Россия, давно мечтавшая дать симметричный ответ на развертываемую США программу национальной противоракетной обороны, оказалась как никогда близка к исполнению заветного желания. Как и утверждали американские эксперты, обещания Москвы укрыть противоракетным зонтиком всю Европу оказались блефом. Но выводы специалистов получились излишне оптимистичными. Эксперты заверяли, что Россия вообще не в состоянии сколь-нибудь серьезно говорить о запуске принципиально нового масштабного военного проекта. Причин называлось несколько – основной была финансовая, остальные относились, скорее, к логическим выкладкам. Считалось, например, что на самом деле Кремль вполне солидарен с доводами США, и, как и Белый дом, не видит в бывшем потенциальном противнике реальной угрозы для себя. Соответственно, бояться России приходится не американских ракет, а собственных сепаратистов, и во вторую оче-

редь – пресловутых изгоев типа Ирака или Северной Кореи. Но от этого страха с уверенностью избавляют даже реликтовые базы ПРО, оставшиеся от советских времен. Так что рассказы русских о том, как они теперь свободны от Договора 1972 года и какими страхами это грозит отступнице-Америке, эксперты совета национальной безопасности характеризовали спецтермином «Бла-бла-бла».

Если верить Майеру, такое определение оказалось трагической ошибкой. По данным агентурной разведки, подкрепленным наблюдением спутников-шпионов и материалами нескольких групп независимых аналитиков, за последнее время привычная картина изменилась самым решительным и пугающим образом. Россия, в соответствии с договором СНВ-2 снявшая с боевого дежурства полторы сотни десятиголовых межконтинентальных баллистических ракет *SS-18 Satan*, завершила развертывание новой системы, составленной из пресловутых «Тополей-М», превратившихся из моноблочных в трехголовые комплексы, а также ставших шестиглавыми ракет *SS-19 Stiletto*. Более того, русские несколько месяцев назад расконсервировали и интенсивно начали достраивать объекты ПРО, заброшенные в середине 70-х. При этом российские оборонные НИИ уже выполнили полученные в прошлом году – и мы это проглядели, жестко сказал Майер, а глава ЦРУ опустил глаза, – технические задания, связанные с коренной модернизацией системы ПРО. Соответствующие заказы, размещенные на военных заводах, находятся в высокой степени готовности. По оценкам ЦРУ, базовый контур российской системы ПРО может быть запущен в действие уже через восемь—двенадцать месяцев.

Тут президент не выдержал и сказал: «Ерунда. Это опять будет система с философией пятидесятых годов. При нашем космическом господстве...» Тут он замолчал, обнаружив, что присутствующие смотрят на него с откровенной жалостью. Майер объяснил, что семьдесят процентов российской космической группировки, жизненно необходимой для функционирования системы ПРО, давно выведены на орбиту: «Ведь мы обращали ваше внимание на то, что в последние два года число запусков с Плесецка росло по экспоненте?» «Но это же были коммерческие запуски», – воскликнул президент. «Сэр, большинство коммерческих спутников имеет двойное назначение. Если мы признаем это справедливым для нашей техники, почему не наделить таким же правом русских?» «И они это делали на наши деньги?» – устало уточнил президент, вспомнив, как руководители НАСА жарко доказывали ему необходимость субсидирования совместных с русскими проектов, среди которых особенно поражали стоимостью международная космическая станция и космический парусник. «Нет, это невозможно: расходование средств, выделяемых на совместные космические программы, находится под нашим постоянным контролем», – сказал Майер, но уверенности в его словах не было.

Кроме того, добавил он, Россия начала практиковать запуск искусственных спутников Земли с борта стратегического бомбардировщика Ту-160. Эта возможность заложена в конструкции самолета, выполняющего, по сути, роль первой ступени космического носителя: набрав необходимую скорость и высоту, он отстреливает закрепленную под фюзеляжем крылатую ракету, без проблем выводящую тысячефунтовый спутник на полярную орбиту высотой 500—700 км. Нет никаких оснований надеяться на то, что эти спутники имеют гражданское назначение, ровным голосом сказал Майер, а Хогарт мрачно кивнул.

Сеть строившихся в советские времена ракетных баз, а также мобильных установок, разворачиваемых на суше и на море, должна была покрыть всю территорию СССР, продолжил Майер. Москва решила не суживать географическое поле маневра и выдвинула идею распространения ПРО на государства СНГ. ЦРУ располагает информацией, согласно которой консультации по этому поводу прошли с руководителями как минимум пяти среднеазиатских и закавказских государств. Это позволяет допустить: предложение уйти под русский зонтик сделано всем бывшим республикам СССР – кроме Прибалтики, конечно. Однознач-

ного ответа Москва пока не требует, но по нашим данным, ряд республик готов подписать подобный договор с Россией хоть сейчас. По сути, Россия на сегодня почти сумела воссоздать подобие Варшавского договора, по определению – в стратегическом плане – противостоящего НАТО.

Майер замолчал и посмотрел на президента. Бьюкенен вздохнул и сказал:

– Что ж, новости печальные, но не трагичные. Все это – бурление в рамках бывшего СССР, затрагивающее только нищие и недееспособные республики бывшей империи, на что мы можем...

– Простите, сэр, но это еще не все, – перебил его Майер.

«Театр одного актера», подумал президент раздраженно и уставился на помощника. Тот еще пару секунд помолчал, собираясь с мыслями, и сказал:

– Полученная нами информация позволяет с высокой степенью уверенности предполагать, что одновременно со странами СНГ документ, ориентировочно называемый Евразийским договором о стратегической безопасности, подпишет Китай. Консультации по этому поводу уже состоялись – в ходе двусторонних встреч, официально посвященных подготовке очередной встрече руководителей шанхайского союза. Представитель Пекина якобы назвал идею договора «в высшей степени интересной и продуктивной».

Более того, на следующей стадии, наступление которой ожидается уже в следующем году, не исключено присоединение к Евразийскому альянсу Индии, Ирана и ряда арабских государств. По нашим данным, руководители этих стран, имевшие переговоры с русскими, были посвящены в суть московских разработок и дали понять, что считают объединение усилий в этой области весьма перспективным.

2

– В былые дни, – сказал Старый, – были Соединенные Штаты,
и Россия, и Англия, и Соединенные Штаты.
Альфред Бестер

Бьюкенен обнаружил, что воспринимает слова Майера как абстракцию. Словно, как и мечтал, глядя на довольного министра обороны, уже отправился на штабные учения, и представитель комитета начальников штабов с убийственно серьезной физиономией пересказывает президенту вводную, согласно которой русские на собачьих упряжках в полном соответствии со вчерашней шуткой переправились на Аляску и договариваются с Ее величеством о транзитном коридоре для марш-броска через Канаду в Штаты. Но в этом случае от президента не требовалось бы ничего – военная машина сама включала программу действий, рассчитанных на такой сценарий. Теперь сценария не существовало – более того, не было машины, на которую можно было свалить ответственность. Потому что инициатива русских пока никак не относилась к зоне ответственности оборонного ведомства. Это была сфера чистой политики, управляться в которой приходилось президенту. А он просто не знал как.

Бьюкенену достался в наследство очень простой мир. Он был таким уже как минимум полвека, и все эти полвека становился все примитивнее и понятнее. Родился этот мир после второй мировой войны, когда планета, как в сказке, разделилась на три части. Первую составили свободные государства, вторую огнем и мечом собрал вокруг себя СССР – так что образовалась по-голливудски бинарная система «хороший-плохой» – а третий мир, куда вошли недоразвитые страны, во множестве образовавшиеся в результате освобождения колоний, был в лучшем случае на подхвате, когда у кого. Как в любом классическом фильме, злодей был беспросветно черен, при этом дьявольски силен и изворотлив. Но любой, кто смотрел хоть один остросюжетный фильм, знал, что это злодею не поможет. Человечеству просто надо было дождаться лидера с незамутненным восприятием, который догадался бы наложить киношную кальку на такую вроде бы сложную и запутанную картину мироздания. К счастью, долго ждать его не пришлось. Именно выходец из Голливуда нашел немного наивное, но точное определение для второго мира – «империя зла». И именно президент-актер заколотил крышку гроба этой империи.

Ее развалившиеся куски ухнули в третий мир, и отныне планета вполне по-библейски делилась на две части, на чистых и нечистых. Нечистыми управляли чистые, чистыми управляли США, а США управлял он, Майкл Бьюкенен. Выше него был только Господь Бог, и Бог велел ему вести человечество к пажитям небесным. Путь обещал быть гладким и прямым – большинство ведомых впечатляет естественная мощь пастыря, самых же неразумных должна вразумлять хорошая дубинка, необходимая каждому пастуху. В конце концов, по дубинке пастыря и узнают и отличают от овцы. А когда появляется вторая дубинка, это уже не смиренная пастораль, а бардак с мордобитием.

Евразийский договор, о возможности которого президент не догадывался сам, и не получал никаких сигналов от помощников и советников, просто выбил его из седла. Россия, согласно всем раскладам, была давно и безнадежно списана со счетов. Принимать ее во внимание приходилось не столько из-за ее ядерного потенциала, который все стремительнее обращался в безвредный пар, сколько из необходимости сохранить саму Россию как буфер, смягчающий экспансионистские устремления ее ближайших соседей, в первую очередь Китая. На второй год своего президентства старый собачник Бьюкенен четко идентифицировал Россию с древним лабрадором Даффи, вошедшим в жизнь Бьюкененов на ее пред-

последнем, индианском этапе. Последние годы пес большую часть времени дрых под столом в гостиной, время от времени звучно оскверняя воздух, но на вечерней прогулке норовил показать себя мачо-убийцей, оживленно переругивался со встречной молодежью и пытался лезть в драку с самыми задиристыми ее представителями. Жене и дочерям Майкла всегда удавалось вынуть из челюстей естественного отбора расхраб्रившегося дурачка со стершимися зубами – так что Даффи не был переварен не чтящим седины ротвейлером, а дотянул до почтенных пятнадцати лет и должен был почить в мире и спокойствии под неизбежные, но светлые слезы домочадцев. Той же участи президент Бьюкенен искренне желал России – и надеялся, что ей хватит благоразумия не ускорять печального процесса.

Теперь Россия-Даффи, подобно мирной лайке из мерзкого фильма, которыми так увлекалась Дэзи, младшая дочь президента, превратилась в чудовищную тварь, пожирающую все, до чего может дотянуться – а для всего прочего отращивающую гигантских размеров щупальца. Которые, как полвека назад, угрожали всему свободному миру. Лоснящиеся щупальца, с которых капала сукровица и гадостная слизь, опять сгребали нечистых в империю, в империю зла. Потому что место империи добра было занято давно и навсегда. Самое поганое, что это происходило именно сейчас, когда США наконец обеспечили себе комфортную жизнь – умом, потом и кровью, в том числе даже своей. Одновременно великая страна силой выдрала прочий мир из хаоса, построила в походный порядок и затолкала на ковчег, потихонькудвигающийся к нормальному цивилизованному существованию, в котором не было места террору, каннибализму, голодным смертям, фундаментализму и геноциду. И опять этому наиболее эффективно воспротивились не религиозные исламские фанатики и не какие-нибудь первобытные африканские дикари, которых, в общем-то, никто на ковчег и не звал. Воспротивились русские – пьяницы и дикари, привыкшие жить в вонючем сортире и готовые мочить любого, кто попытается их из сортира выудить. До сих пор оставалось радоваться, что силы у русских уже не те, и они не способны, как это было прежде, распространять границы своего сортира на полпланеты. Теперь поводов для радости не осталось.

Майер и силовики с почтительным ожиданием смотрели на президента. Он ощутил сильнейшее раздражение – в конце концов, сколько можно прикрывать чужие промахи, а тем более – грубые провалы? Разведчики и аналитики страны и ее союзников прохлопали событие, по масштабам и последствиям сопоставимое с хиросимским взрывом, способное так же круто перевернуть политическое устройство человечества. И теперь руководители этих непрофессионально сработавших специалистов ждут, что президент, как обычно, улыбнется и выдаст рецепт спасения. Как будто это его работа.

Президент улыбнулся и сказал:

– И какие будут предложения?

Силовики, видимо, следуя договоренности, перевели взгляд на Майера. Президент решил, что поговорит с Джереми о допустимости театральных эффектов нынче же вечером, и последовал их примеру. Майер сказал:

– План «Духовное возрождение».

Сказал так, словно это все объясняло.

– Поподробнее, пожалуйста, – не скрывая уже раздражения, попросил Бьюкенен.

Оказывается, в конце восьмидесятых американские эксперты чуть было не пропустили момент, когда на территории Советского Союза начали набирать оборот центробежные тенденции. Верно оценить ситуацию им удалось в последний момент – но оказать содействие развалу империи США и их союзники уже не успели – лидеры советских республик, сначала прибалтийских, а потом и славянских, справились почти самостоятельно. Аналитикам ЦРУ, Госдепа и ряда политологических институтов осталось лишь удержать своих руководителей от выражения поддержки Михаилу Горбачеву, из-под которого младшие товарищи ловко выдернули страну.

Распад СССР и Югославии дал развитым странам универсальную модель размотки самых запутанных вроде бы узлов: как оказалось, древняя формула «Разделяй и властвуй» действует все так же исправно. На этой волне и родился план «Духовное возрождение», предусматривающий демонтаж России именно по этой модели. В соответствии с планом, необходимо было обеспечить проведение в российских регионах демократических выборов, в результате которых местных партийных функционеров, тяготеющих к унитарному государственному устройству, обязательно должны были заменить представители либеральной оппозиции.

Основная ставка делалась на национальные автономии, сохранивших перевес традиционного населения, недовольного второсортностью собственного положения. Благо, курс на ассимиляцию народностей русским этносом в последние десятилетия стал вполне официальным, национальное образование находилось в загоне, все языки кроме русского становились стремящимся к минимуму декоративным элементом. Градус конфликтности повышался вавилонскими устремлениями коммунистов, которые с нарочитой небрежностью путали границы национальных территорий и с помощью ударныхстроек затевали великие переселения народов. Это оборачивалось маргинализацией целых социальных слоев и обостряло межнациональные отношения. Не воспользоваться такими условиями было просто грешно.

Согласно разработанному консультантами русского отдела Госдепартамента плану, новоизбранные лидеры национальных республик должны были объявить своей главной задачей обеспечение духовного возрождения угнетенного народа, отправившего их во власть. Сделать это в рамках в рамках федерации, унаследовавшей унитарную и нетолерантную суть СССР, было невозможно. Поэтому национальные республики – в полном соответствии с призывом Бориса Ельцина проглотить столько суверенитета, сколько смогут – должны были объявить о полной независимости от Москвы и начать оформление собственной государственности, которая могла на первых порах принимать самую причудливую форму. Помимо отмены российских законов эксперты рекомендовали схему, при которой республики учреждали собственную валюту, создавали силы самообороны и проводили «диверсификацию института гражданства»: каждый регион вводил собственное гражданство, и в первую очередь его получали представители титульной нации. Лица других национальностей считались иностранцами, что лишало их не только гарантированного социального минимума, но и вообще легальных средств для существования (иностранцы не должны были становиться госслужащими, не могли быть приняты на работу в частное предприятие, если существовала хотя бы теоретическая возможность занять образовавшуюся вакансию полноценным гражданином, наконец, практически не могли начать собственный бизнес – к тому же облагались двойной ставкой налога). Такой подход гарантировал усугубление политической и экономической дезинтеграции регионов и скорое выпадение из ее состава как минимум республик Кавказа и Поволжья с преимущественно мусульманским населением, испытывавшим двойное давление и в коммунистические времена, и в наступившую эпоху оглушающего православия.

На применение в областях с преимущественно русским населением план Госдепа не был рассчитан: там все сколь-нибудь серьезные оппозиционные партии и движения ориентировались на единого лидера, который как раз и стал президентом страны. Поэтому, указывали авторы концепции, здесь следовало прибегать к плану «Сильная Россия», который подлежал к применению, скорее, в Москве, чем в провинции. План, разработанный все тем же отделом при содействии Русского института в Бостоне, призван был искоренить возможность возрождения коммунистического движения, а одновременно – усугубить противоречия между русским большинством страны и ее многонациональным меньшинством, которое – в рамках последнего плана – должно было позиционироваться как один ненасыт-

ный нахлебник, объедающий и обворовывающий многострадальных православных. Уравновесить экстремальность такой диспозиции должна была идея восстановления исторической справедливости, предусматривавшая восстановление немецкой автономии в Поволжье и выплату серьезных компенсаций чеченцам, калмыкам и другим народам, пережившим насильственное выселение.

Вторым системообразующим элементом становилась ставка на экономическую самодостаточность каждой области, призванной покончить с сверхцентрализацией, унаследованной от эпохи планового хозяйства. Итогом должно было стать зарождение той же центробежной идеи, сначала по экономическим причинам, но в идеале – распад русских по исконным признакам, скажем, на восточных сибиряков, вятичей и поморов.

В результате России предстояло рассыпаться на конгломерат маломощных полугосударственных образований, обреченных на полную зависимость от мирового сообщества. В первую очередь – от США. Европа в обычной своей манере наверняка воспротивилась бы завариванию столь крутого бракоразводного процесса в самом большом гареме, обитающем под крышей так удачно, казалось, отстроенного общеевропейского дома.

Оба плана поступили на рассмотрение тогдашнему помощнику по национальной безопасности, который разнес предложения в пух и прах, обозвал разработчиков ублюдками Макиавелли и настоял на очередной радикальной реорганизации русского отдела. Немного позже Белый дом с тайной подачи помощника настоял на введении в закрытую часть бюджета отдельной строки расходов на поддержку националистических партий и движений стран Восточной Европы. Знающие люди также отмечали, что отдельные положения «Духовного возрождения» и «Сильной России» были буквально реализованы в странах новой демократии, в частности, в Балтии и Средней Азии, а также Югославии и даже в Афганистане. Впрочем, рассуждения на эту тему ни одной администрацией не поощрялись – официально считалось, что никаких планов нет и не было никогда.

Неофициально же тогдашний строгий помощник оба плана и все сопутствующие материалы сохранил и завещал своему преемнику передавать их по наследству – авось когда пригодятся. По мнению Майера, час настал.

3

*Лабрадор. Гибралтар. Начинается пожар.
Анатолий Гуницкий*

Помощник с разрешения президента передал слово директору ЦРУ Филипу Кларку, который сообщил, что, по данным как оперативных, так и аналитических подразделений управления именно сейчас Россия наиболее подготовлена к реализации «Духовного возрождения». Хотя на первый взгляд представлялось, что дело обстоит совсем наоборот.

Идея укрупнения регионов, подброшенная Кремлю западными консультантами еще в начале 90-х и сходу отвергнутая тогдашним руководством страны, отлежавшись десяток лет, овладела умами новой политической элиты, которая искренне считала себя единственным и неповторимым автором этого проекта. Особенно кремлевская администрация гордилась постепенным и поэтапным выращиванием новых губерний из прежнего разнотравья областей и республик: сначала создание федеральных округов с малопонятным уровнем ответственности, затем перетекание из региональных в окружные столицы центров исполнительной власти, далее – созыв окружных законодательных собраний, занимавшихся вроде бы исключительно приведением местных законов в соответствие федеральным. А потом проведение прямых выборов в эти собрания во всех регионах – и постановка на повестку дня первой же сессии каждого парламента вопроса об объединении регионов в границах бывших федеральных округов. Такое право свежелегитимизированным собраниям дали поправки к конституционному закону «Об объединении регионов РФ и вхождении в состав Федерации нового члена», лихо проскочившим через федеральный парламент под давлением все того же Кремля.

Президент Придорогин и его команда то ли не знали, то ли предпочитали не вспоминать, что именно такая последовательность действий была рекомендована подготовленным аналитическим управлением ЦРУ осенью 1993 года «Оптимальным сценарием развития федерализации России». В рамках этой идеологии американские дипломаты, разведчики и случайно затесавшиеся среди них «чистые» политконсультанты вели беседы с высокопоставленными чиновниками и представителями проправительственных и особо доверенных оппозиционных партий до февраля 1994 года, когда стало ясно, что подписание прецедентного договора между Татарстаном и Россией все-таки состоится и станет примером для других областей и республик, а значит, в обозримом будущем будет актуальнее не слияние регионов, а фиксирование их границ – физических и юридических.

Теперь вектор развития снова изменился, скрепив, как дротиком, виртуальные реальности, рожденные исходившими из совершенно различных предпосылок авторов «Духовного возрождения» и «Оптимального сценария». По словам Кларка, уже сегодня российские власти, педантично и без постороннего влияния реализующие проект укрупнения регионов в семь супергуберний (плюс одну особую территорию), создали почву для того, чтобы наиболее крупные национальные республики, которым предстоит потерять от трансформации больше остальных – и в материальном, и моральном плане, – открыто взяли курс на дезинтеграцию и неподчинение московским планам. Очевидно, в первую очередь местные элиты будут при этом заботиться о своих грубо ущемляемых интересах. И не менее очевидно, что апеллировать к своему населению, электорату эти как правило авторитетные лидеры будут совсем с другими аргументами – в первую очередь связанными с такими ключевыми для любой демократии ценностями, как личная свобода, свобода народа и основные гуманитарные права личности, которым грозит ущемление. То есть именно те ценности, которые положены в основу «Духовного возрождения».

Так вот, продолжил глава разведывательного ведомства, по нашей информации, национальные республики настроены весьма решительно даже при нынешнем безнадежном для них раскладе. Что же будет, если они получат сигнал о готовности цивилизованного мира однозначно поддержать стремление к свободе народа, которому грозит угнетение?

– И что же будет? – поинтересовался президент.

– Будет возрождение, сэр, – отпартовал Кларк и широко улыбнулся – так, что и без того неширокие глазки совсем спрятались за толстыми складками.

– Вы уверены? – спросил Бьюкенен, давно научившийся не обманываться лучезарными манерами толстяка, известного среди уцелевших коллег как крокодил в шкуре бегемота.

– Когда имеешь дело с этой страной, сэр, быть уверенным не приходится, – сказал Кларк, – но наши данные практически однозначно демонстрируют напряжение, готовое привести российское общество к расколу. Большинство в лице верховной власти и относительно моноэтнических русских регионов стремится форсировать федеральную реформу. Ему противостоит абсолютное, однако же весьма влиятельное и дееспособное меньшинство в лице национальных республик. Тон в этой группе задает Татарстан, который – с оговорками – пользуется поддержкой Башкирии, Ингушетии и Якутии. Правда, пока они не готовы подписаться под наиболее радикальными требованиями Татарстана – но наша поддержка сможет, я думаю, придать им уверенности.

– А к чему сводится этот радикализм?

– На очевидном уровне – только к настойчивому стремлению сохранить статус-кво. Но власти республики понимают, что не смогут остаться анклавом старого образца в сердце модернизированной России...

– Простите, – перебил Кларка президент. – Почему в сердце? Насколько я помню, Татарстан – это Азия, юго-восточная граница России, ближе к Монголии.

– Никак нет, сэр. Татарстан – это Европа. Республика с населением в четыре миллиона человек примерно в семиста милях от Москвы, на Волге. Столица Казань.

– Казань? – обрадовался президент. – Правильно, Казань. А республика иначе называется Казанстан.

Кларк заметно заколебался, явно соображая, стоит ли спорить с президентом по столь пустяковому поводу. Видя это, в разговор вмешался Майер:

– Господин президент, рискну предположить, что нас с вами ввело в заблуждение сходство названий «Казань» и «Казахстан». Казань – столица республики в составе России, в самом ее сердце, как верно заметил коллега Кларк. Казахстан – бывшая республика в составе СССР, юг Урала, на географическом стыке Европе и Азии.

– Джереми, я ценю ваше благородство, но оставьте мои ошибки мне. Не надо говорить, что вас что-то ввело в заблуждение. Покажите, где ваш Татарстан, – сказал президент, поднимаясь из кресла и огибая стол, возле которого стоял огромный глобус.

Сунув руки в карманы, он секунд пятнадцать с удовольствием наблюдал, как четыре, пожалуй, лучших в мире макрополитика и стратега наперегонки тычут пальцами в синего червяка Волги, разыскивая ловко спрятавшуюся в ее изгибах Казань (Россию, надо сказать, они нашли практически мгновенно). Бьюкенен мысленно поставил на Кларка и тут же проиграл себе двадцатку. Первым оказался промолчавший все совещание глава Минбезопасности Юджин Браун, торжественно воскликнувший «Здесь» – и придавивший срезанным под самый корень ногтем крохотную точку, на которую неожиданно для себя обратила столь пристальное внимание единственная оставшаяся в наличии сверхдержавы.

– Спасибо, Юджин. Надеюсь, вверенные вам силы всегда будут столь же точны и быстры, – чинно сказал президент, и улыбнулся, призывая Брауна не обижаться на шутку.

Затем подошел к глобусу и внимательно принялся рассматривать Казань и ее окрестности. Наконец, оторвавшись, сказал:

– Да, от Монголии далеко. Или я путаю, и татары шли на Европу не из Монголии?

Собеседники президента переглянулись, и Хогарт с запинкой заявил:

– Ну, Чингисхан точно был монгол...

– Видимо, переселились, – предположил Кларк. – В конце концов, мы, англосаксы, сейчас еще дальше от исторической родины.

– Фил, спасибо за прием в дружную саксонскую семью, – впервые улыбнувшись, сказал Майер.

Кларк охотно поклонился. Президент, возвращаясь в кресло, предложил:

– Пока не дошло до великой иудейской войны, вернемся-ка к нашим интригам. Итак, Фил, вы действительно считаете, что эта крохотулька в состоянии пойти против Москвы?

– Почему нет? – ответил Кларк. – Во-первых, эта крохотулька ведет свою линию с начала 90-х, как правило, вразрез с линией Москвы, и в основном довольно успешно. Во-вторых, Чечня (он для убедительности показал на глобусе – причем, надо отдать ему должное, сделал это не колеблясь) еще меньше.

И, в отличие от Чечни, мусульманский Татарстан считает себя цивилизованным европейским государством, четко сориентированным на Запад и пытающимся отстаивать ценности, характерные для близкого нам образа жизни. Неудивительно, что Татарстан ждет такого же понимания и помощи от нас. Особенно ценно, что такого рода сигналы исходят не столько даже от властей республики, сколько от общественного мнения.

Должен заметить, господин президент, что последние недели в России кипят страсти вокруг дискуссии, начатой средствами массовой информации Татарстана. Особый резонанс получила статья, которая была опубликована в солидном политологическом журнале – ее автор прямо обращается к НАТО и США с требованием ввести миротворческие силы – собственные или под флагом ООН, – чтобы защитить Татарстан и другие тяготеющие к построению подлинной демократии регионов России от имперских амбиций Москвы.

– Да, я читал *Washington Times*, – сказал президент. – Впрочем, *Post* я тоже читал.

– *Post*, как обычно, смешала зерна и плевела, – с неожиданной суровостью отрезал Кларк. – Парень, съездивший в Россию от *Washington Times*, допустил по молодости пару проколов. Но в целом оценил ситуацию совершенно правильно. Мои ребята на днях встретились с ним... в библиотеке Конгресса, – Кларк ухмыльнулся, – парень изучал историю религий, *Post* его все-таки здорово зацепила. Так вот, он рассказал о том, что осталось за рамками статьи – об атмосфере. О настроениях людей. Об их надеждах. Его оценки полностью совпадают с наблюдениями наших агентов и мнением наших опытных экспертов по России, в первую очередь специально изучавших Татарстан. Например, Холлингсуорк – сэр, вы его должны помнить.

Президент кивнул, не отводя глаз от заметно заведенного Кларка – нечастое это было зрелище.

– Тот же Холлингсуорк буквально на днях получил достоверную информацию о настрое татарской элиты, в том числе и руководства республики. Настрой самый серьезный и категорический – татары как никогда в последние годы готовы к решительному бою за свою свободу. Говоря «бой», я имею в виду самое широкое и буквальное значение слова. При этой экономической и политической изоляции России, обеспечить которую не составит особого труда, гарантирует минимизацию возможного насилия и его локализацию в пределах европейской части России.

Пора понять, что мы до сих пор субсидируем Россию – по сути, платим ей из своего кармана, позволяя играть на внешних, в том числе и наших рынках по устраивающим русских правилам. Необходимость установления собственных правил давно созрела – осо-

бенно с учетом названных мною обстоятельств. Наше бездействие дает русским ресурсы, из которых финансируются все их реформы, в том числе крайне нежелательные для нас. Я больше скажу: наше попустительское отношение к российской активности просто позволяет этой стране выжить. Хотя мы можем забрать ситуацию в каменный кулак и позволять Москве дышать лишь тогда, когда нам и только нам этого захочется.

Господин президент, – торжественно завершил директор ЦРУ, – Татарстан, а с ним все угнетенные народы России рассчитывают на нашу помощь. Реализация «Духовного возрождения», которая может начаться при минимальной поддержке и затратах с нашей стороны, позволит нам навсегда покончить с русской угрозой. В любом ее виде.

Звонящая пауза, от которой захватывало дух, длилась буквально пару секунд. Затем ее разбил ненавидящий патетику Майер.

– Как минимум, – добавил он, – будет покончено с идеей Евразийского альянса. С развалом внутрироссийского единства от участия в проекте дистанцируются даже страны СНГ, не говоря уже о менее традиционных партнерах России. Определяющей в этом вопросе является политика, но не следует забывать, что именно в Казани выпускаются упоминавшиеся стратегические бомбардировщики Ту-160. И что еще существеннее, именно в Татарстане, в горном массиве Сарытау, достраивается ключевой объект ПРО, призванный защитить от ракетного нападения индустриальные Поволжье и Приуралье. В случае скандального разрыва Татарстана с Россией Москве придется искать другие варианты выполнения своей космической программы, поддержки в боеспособном состоянии дальней авиации и в целом завершения строительства национальной противоракетной системы нового типа. Очевидно, эти варианты будут гораздо более дорогими – а значит, реализация амбициозных программ оттянется на неопределенный срок, если не будет свернута вообще.

Впрочем, по нашим прогнозам, гораздо более вероятен исход, о котором с англосаксонской прямоотой сказал Фил: Россия начнет превращение в кучку слабо связанных между собой недогосударств, полностью управляемый мировым сообществом.

Майер замолчал и уставился на президента. Тот сосредоточенно думал, по обыкновению глядя на свои сплетенные пальцы. Помощник, главы министерств и ЦРУ ждали, уставившись примерно в ту же точку.

Наконец президент повернул голову, посмотрел на глобус и пробормотал что-то вроде:

– Даффи вышел на охоту на огромного бизона.

Привезли его в субботу и зарыли под газоном.

– Простите, сэр? – сказал Майер.

Президент, усмехнувшись сказал:

– Так, ерунда. Ладно, парни, я даю добро. К завтрашнему дню подготовьте план действий, и с понедельника начинаем.

Глава третья

1

*Он был отличный парень, свой в доску, пока не пошел служить
в полицию. Тут он сразу стал как все.
Дэшил Хэммет*

Тольятти.

26 мая.

КПМ «Юг», административная граница Самарской области и Татарстана.

27 мая

Звонок сестры застал Рената врасплох. Он все не мог придать значения тому, что Ляйсанка года три как вошла в половозрелый возраст и вдруг превратилась из постоянно хамящего голенастого подростка, изводящего родителей, в красивую фигуристую девушку, при виде которой только врожденное благоразумие удерживало ребят из ренатовой бригады от гулкого сглатывания. И теперь с растерянной улыбкой вертел в руке мобилу: Ляйсан только что в нынешней своей непонятно над чем иронизирующей манере пригласила милого братца на свадьбу, каковая состоится в ближайшую пятницу в челнинском ресторане «У Рафгата». Ближайшая пятница ожидалась завтра.

Отухмылявшись, Ренат энергично сказал «Блин», и позвонил маме. Вызвериться на нее за то, что молчала про дочкины матримониальные намерения, конечно, не удалось: мать в двадцать секунд доказала, что дорогой сыночек, не кажущий носа из своих Тольяттей и откровенно забывший родителей, сам виноват не только в том, что не знает последних семейных новостей, но и просто во всех бедах и напастях, которых сходу смог коснуться живой мамулин язык.

С большим трудом Ренату удалось перевести стрелки с себя на сестру. Она, как выяснилось, раньше была такая же засранка, но теперь, вроде, взялась за ум, спасибо Наилю, просто молимся на него с отцом. Наиль, оказывается, работал на каком-то камазовском заводе, не то литейном, не то кузнечном (мама в этих тонкостях не разбиралась, потому что всю жизнь тянула лямку в средней школе, и из всего камазовского многоголовья знала только ПРЗ – и то лишь потому, что прессово-рамный в советское время официально шефствовал над ее школой). Работал, слава богу, не инженером, а кем-то по денежной линии – не то начальником финотдела, не то главой департамента ценных бумаг (тут Ренат тягостно вздохнул). В роскоши не купался, но и не бедствовал. Ляйсанка была знакома с ним года три, аж со школы, а последние полгода они просто жили вместе, в наилевой двухкомнатке. А теперь, выходит, решили узаконить отношения. А тебе, *ulim*, ничего не рассказывали, потому что по телефону о таком не говорят, а когда ты приезжал, был вечно такой занятой, что мы даже не знали, может, тебе неинтересно знать, что в семье творится.

Ренат давно, в первую очередь благодаря мамочке и первой жене, научился реагировать на подобные женские резвости по-умному, то есть молча – а потому любезно поблагодарил за информацию, и поинтересовался, чего дарить молодоженам. Тут маме, как ни странно, предложить было нечего: мы с отцом, сказала она, дарим сервиз на 12 персон, он хороший,

хоть и китайский, ну, и немного денег, а ты, *ulim*, по возможности. Ага, сказал Ренат. *Āniem*³, ну что тут говорить о возможностях, единственная сестра замуж выходит...

А, мам, машина-то у Наиля есть? Да, «четверка», почти новая, с гордостью сказала мама. Значит, нет, сказал Ренат с облегчением, довольно быстро – минут за пять – закруглил разговор и распрощался, клятвенно пообещав приехать пораньше – и с ребятами, чтобы помочь с организацией и всяческой доставкой.

Потом позвонил Губанову. Тот был хозяином крупнейшего в Челнах автосалона, который Ренат опекал во времена своей мятежной молодости. Перед переездом Ренат махнулся долей в салоне с челябинцами, именно тогда счастливо потерявшими интерес к тольяттинским проектам. Так что размен произошел быстро и ко всеобщему удовольствию. Особенно рад был захандривший поначалу Губанов: ставшие в последние годы жутко гуманными челябинцы разрешили ему почти полную свободу действий, но при этом предоставили привилегированный доступ к уральскому прокату. В итоге губановская фирма стала одним из крупнейших поставщиков КамАЗа, и ясное дело, любимейшим дилером.

Поэтому Губанов Рената уважал и при случае старался оказаться полезным. Но в этот раз не мог при всем желании: по словам Губанова, клиент опять сошел с ума, чохом выкупил все приличные машины, следующая партия ожидается через неделю – а сейчас в салоне осталась только пара «троечек» (у него хватило ума – или просто памяти – не предлагать ничего кроме *BMW*). Ренат задумчиво объяснил, что «троечка» хороша для легкомысленной девицы, а Ляйсан теперь солидная замужняя дама, которой полагается как минимум «пятерка». А лучше «шестерочка» – как считаете, Василий Семенович? Василий Семенович был совершенно с этим согласен – как и с тем, что *Maybach* в данном случае будет смотреться слишком выпендрейно, так что с ним погодим. Губанов был готов погодить, но не был готов помочь дорогому клиенту немедленно, и это владельца автосалона страшно расстраивало. Губанов, отчаянно посопев, даже заявил, что попросит машину у одного из последних покупателей, якобы для исправления мелкого конструктивного недостатка, перебросит ее Ренату, а покупателю вернет деньги. Ренат готовность к незаметным подвигам оценил, но попросил Губанова не дергаться – сам, мол, все устрою. Он знал о чем говорил: буквально вчера Славян обмолвился о том, что ювелир Викулов полностью долг так и не вернул, зато пригнал и даже уже зарегистрировал (откуда и информация) нулевенькую «шестерку».

Ренат вызвал по интеркому Славку и поставил перед ним задачу. Через два часа машина стояла во дворе особняка, занятого ренатовыми офисами, а генеральная доверенность на нее лежала в кармане Рената. Викулов, уяснив, что Татарин не накажет его за крысятничество, погрузился в пучину искреннего счастья и прямо как был, в пучине и домашнем костюме, прискакал в офис Рахматуллина с миленькой коробочкой, в которой лежал симпатичный и не слишком вычурный – золотая вязь и немного бриллиантов – кулон «для очаровательной сестренки дорогого Ренат Салимзяновича, у которой ведь такой большой день». Викулов даже вызвался лично отогнать машину в Челны, чтобы не мешкая перерегистрировать ее на имя Ляйсан. Тут Ренат, не выдержав, заржал, но взял себя в руки, поблагодарил ювелира и объяснил, что с этим-то всегда успеется.

Распрощавшись с потерявшим голову от радости Викуловым, Ренат поставил перед Славяном еще одну задачу. В принципе, с этим челнинские не торопили – но Ренат предпочитал рассчитываться с долгами при первой возможности. Вот она и подвернулась – давний челнинский презент, который, к общей радости, так и не пригодился, без проблем размещался в двух багажниках, а в Челны изначально решено было ехать на паре машин.

Выехали поздно вечером. Ренат думал, что, как обычно, выключится сразу, но почему-то долго ворочался, напряженно вспоминал, о чем не успел распорядиться перед отъез-

³ Мамуль

дом, и даже рывкнул на Славку, опять врубившего свой долбаный раритетный рэп. Наконец, на третьем часу пути, после короткой остановки на полив обочины, Ренат задремал – и так удачно, что практически не реагировал ни на жуткий рев какой-то длиннющей и плотной колонны, которую пришлось томительно обгонять, наверное, минуты две, ни на краткосрочные остановки у постов ГИБДД. Из-за предрассветных сумерек гаишники смело делали стойку на пару *BMW* без блатных номеров, идущую на предельной скорости, и важно совершали отмашку полосатой дубинкой. Водителю приходилось останавливаться и вполголоса сообщать ликующему менту, что тому посчастливилось остановить Татарина, который мчится на свадьбу к сестренке и совершенно не расположен тратить время на фигню. Гибэдэдэшник мгновенно линял, но все же, молодец такой, находил в себе силы поздравить команду Татарина с радостным событием и пожелать счастливого пути.

Но третья, кажется, остановка почему-то затянулась. Ренат повозил головой по кожаной спинке дивана, потом понял, что уже рассвело и что спать он больше не хочет, и открыл глаза. Оказалось, вовремя. Мини-эскорт, судя по всему, только что въехал на ренатову историческую родину, где и был прибит первым же постом, как известно, не умеющим бесплатно пропускать мимо себя машины с чужими номерами. А у бээмвух номера, понятное дело, были самарскими.

Ситуация заметно накалялась: Славян с бесконечно потрясенным видом слушал горячий шепот сержанта с «калашниковым» поперек груди – до Рената через приоткрытую переднюю дверь доносились только отдельные слова: «досмотр... да вообще всех, хоть генерал... из Чечни, на всю голову больные... да не могу я, не могу.. все, идут...» Второй сержант, тоже с автоматом, маялся рядом, нервно поглядывая по сторонам. К этой скульптурной группе неторопливо направлялись от «шестерки» Тимур и Санек, а навстречу им от расположенного в десятке метров КПМ двигались два офицера – в камуфляже, при бронжилетах и с укороченными автоматами. Образовывался просто кадр из фильма «Мертвый сезон». А кино это Ренат не любил с детства. Поэтому хмыкнул и вышел из кондиционированной прохлады салона в прохладу природную, но, увы, недолговечную. КПМ стоял у начала лесопосадки, от которой доносился нервный птичий цокот.

Ренат сладко потянулся и подошел к Славяну. Тот, увидев, что будить босса вестью о мелкой, но проблемке, уже не придется, заметно просветлел и перешел в контрастступление, в обычной своей манере распуская пальцы веером и неся полную пургу типа: «Ну че, командир, на своих-то кидаешься? Мы ж не черти какие, мы нормальные люди, а ты нам палкой в лоб тычешь.» Боец он был хороший, человек надежный, но язык имел заточенным совершенно не в ту сторону, поэтому для деликатных переговоров решительно не годился. По уму пускать его за руль не следовало, но, во-первых, водить он умел и любил, во-вторых, ездить в основном приходилось в пределах области, где Татарина знала каждая собака – так что его штатным водителем мог быть хоть слепоглухонемой аутист, хоть объявленный в федеральный розыск маньяк-ментофоб, страдающий недержанием речи. Увы, в родном Татарстане Ренат Рахматуллин был куда менее известен.

Ренат поморщился и собрался лично вступить в принимающую непродуктивную характер дискуссию, но его опередил подоспевший от КПМ мрачный старлей. Он вплотную – так, как в приличном обществе считалось уже недопустимым – подошел к Славке, наседающему на сержанта – второй старлей остановился в паре шагов, – и осведомился:

– Проблемы?

– Товарищ старший лейтенант, – жалобно начал сержант, но его перебил Славка:

– Пока нет. Дай проехать, и вообще не будет.

– Слава, – мягко сказал Ренат.

– Не, ну Ренат Салимзянович, – взмолился Славян, но, посмотрев на Рената, поперхнулся фразой, развел руками и шагнул в сторону.

Старлей кисло глянул на него, на Рената, на подоспевших Тимура с Саньком, потом посмотрел на сержанта и спросил:

– В чем дело, сержант? Почему не начали досмотр машин?

Так, подумал Ренат. Какая сука стукнула?

– Товарищ старший лейтенант, – снова затянул сержант, – я их знаю, это наши люди... из Тольятти... то есть, теперь не наши, но у них все в порядке...

– Сержант, неприятности нужны? – с той же равнодушной интонацией справился старлей.

С бодуна он, что ли, подумал Ренат и сказал:

– Простите, я так понимаю, вы собираетесь нас обыскивать.

Старлей спокойно посмотрел на него и ответил:

– Не обыскивать, а досматривать. И пока не вас, а машины.

– Хрен редьки... – сказал Ренат. – А в связи с чем, простите?

– В связи с оперативной необходимостью, – сообщил старлей и, видимо, решив, что с объяснениями достаточно, отвернулся к сержанту:

– Права и документы на машину.

– Товарищ старший... Я еще не... – сержант потерялся как первоклассник перед завучем и даже втянул голову глубоко в плечи.

– Сержант, – с выражением сказал старлей, еще секунду смотрел на него – тот совсем умер, – затем обернулся к уставившемуся в небо Славке и равнодушно стоящим в сторонке Саньку с Тимуром.

– Права и документы на машины, – как заведенный повторил он и протянул руку.

Парни посмотрели на Рената. Ренат вздохнул и попросил:

– Товарищ старший лейтенант, можно вас на минутку?

– Товарищ пассажир, я не с вами, кажется, разговариваю, – не отводя взгляда от водителей, сказал мент. – Вы, я так понимаю, не за рулем были? Так что не мешайте, пожалуйста – сейчас во всем разберемся.

– Но это мои машины, – Ренат попытался еще раз решить все по-хорошему. – Давайте я за них и отвечу.

– Спасибо, я вас не спрашиваю. Не мешайте, – отрезал старлей и еще демонстративнее протянул руку за документами.

Ренат опять вздохнул и полез во внутренний карман. Реакция на столь невинное движение его удивила: сержанты положили руки на автоматы, а лейтенанты так и вовсе откровенно направили стволы на самарских гостей. Тут уже напряглась братва. Ренат усмехнулся и сказал:

– Тшщ... Спокойнее, друзья.

И с этими словами извлек заветное удостоверение – то самое, что брал с собой только в дальние поездки, но и там старался не светить, и в итоге применил только раз, в Москве, когда в «Шереметьеве-2» встречал немецких гостей и должен был миром избавиться от пары в дугу пьяных омоновцев.

В документе было написано, что Рахматуллин Ренат Салимзянович является подполковником Федеральной службы охраны. Это заверялось личной подписью самого начальника службы. Удостоверение выглядело как настоящее. Более того, оно и было настоящим – правда, Татарин до сих пор не любил вспоминать, каких трудов ему стоило сделать эту ксиву.

Труды, впрочем, окупались: шереметьевские омоновцы, например, растаяли в аэропортовском воздухе со скоростью падающего самолета. Того же Ренат ожидал и от не в меру ретивых земляков. Но унижать их он не желал совершенно, поэтому, позволив гаишникам власть налюбоваться корочками, включил почти извиняющийся тон:

– Ребята, сами понимаете, мы просто так не ездим. Вы уж простите, что сразу все не объяснил. Счастливо.

С этими словами показал своим, по машинам, мол, и повернулся сам. И застыл. Потому что старлей тем же скучным тоном сказал ему в спину:

– Не торопитесь так, товарищ подполковник. Не надо.

Ренат медленно повернулся и посмотрел старлею в лицо. Лицо было обыкновенным – красная от раннего загара кожа, короткий нос, серые глаза, комариный укус на скуле. Староватым разве что – мент выглядел ренатовым ровесником, стало быть, было ему слегка за 30. В этом возрасте люди в капитанах-майорах ходят, Ренат вон аж до подполковника неожиданно для себя дослужился, а этот все старлей. В принципе, понятно, почему.

– В чем дело, старший лейтенант? – теперь уже спросил Татарин.

– Товарищ подполковник Федеральной службы охраны Российской Федерации, – продекламировал старлей, и Ренат понял, что издевка в голосе ему все-таки не почудилась, – вы уж извините глупого милиционера, но у меня приказ досматривать все проходящие машины, а в случае нужды – водителей и пассажиров. Вы ведь знаете, что такое приказ?

– А у меня приказ не подвергаться досмотру, – хладнокровно сказал Ренат. – И что теперь, будем приказами меряться?

– Извините, не будем, – ответил старлей. – Губайдуллин, Степанов, приступайте.

Сержанты, воткнув глаза в землю, решительно двинулись к машинам. Водители вопросительно уставились на Рената. Ренат воскликнул:

– Лейтенант, вы с ума сошли! Вы не имеете права! Как ваша фамилия?

– Закирзянов. Старший лейтенант Закирзянов, с вашего разрешения, – уточнил старлей. – Права я, может, не имею, а приказ имею. Губайдуллин, чего встали?

– Стоп, – сказал Ренат. Сержанты послушно застыли, опасливо поглядывая то на начальство, то на молодого подполковника в жутко дорогом летнем костюме. – Старший лейтенант, я хочу поговорить с вашим начальством. Как ему позвонить? – Ренат вытащил мобилу.

– Звонить ему лучше всего с КПП. Там офицер сидит, он все подскажет. А мы пока приступим, – сказал старлей. – Губайдуллин, Степанов, заснули? Вперед.

– Назад, – сказал Ренат, развернулся к Закирзянову и на всякий случай перешел на татарский. – Земляк, я тебе как другу советую – не надо. Я приказа не послушаюсь.

– Я тоже, – по-татарски ответил старлей. – Отойдите от машины и не мешайте, – и по-русски добавил: – Последний раз прошу, вы трое ко мне с документами. Степанов, у вас столбняк?

– Так, товарищ старший лейтенант, мы же не можем сами открывать. Водитель должен, – сказал молчавший до сих пор сержант.

– Водитель пока что не может мне даже права передать, – сказал старлей. – Товарищи фэсэошники или кто вы там теперь. Вы что, решили в оказание сопротивления поиграть? – в голосе Закирзянова наконец прорезалось какое-то чувство, которое, впрочем, не слишком понравилось Ренату.

Ренат развернулся к своим, чтобы задавить саму возможность ответа, но не успел.

– А если решили? – спросил Славка неприятным голосом.

– Класс, – сказал Закирзянов. – Все подошли к первой машине, руки на капот, ноги расставили, – предложил он и передернул затвор автомата.

Следом за ним заклацали сохраняющий молчание старлей и сержанты – Степанов с безмятежным выражением лица, и чуть не плачущий Губайдуллин. Этот начнет стрелять первым, отстраненно подумал Татарин и оглядел своих. Они были в порядке – даже Славян наконец перешел от вредоносной своей болтливой фазы к боевой, в которой действовал всегда удивительно грамотно. Вот и сейчас он, приподняв руки, неторопливо двинулся,

как было приказано, к ренатовой «семерке», не слишком пристально поглядывая на ощерившихся стволами ментов. Менее инициативные Санек и Тимур посмотрели на Рената, дождались его легкого кивка и последовали за Славкой. Ренат помедлил, обдумывая диспозицию. Она, как ни крути, выходила хреновой. Позволять обыскивать машины было никак нельзя. Оставались два выхода, один плохой, второй отвратительный: или прыгать в машины и со стрельбой прорываться обратно в Самарскую область, где можно спрятаться, а главное, избавиться от груза. Или устраивать гасилово, валя как минимум четверых ментов (это не считая того или тех, что сидели внутри КПМ). Которые, ясное дело, не будут стоять и ждать, когда же самарские гости их загасят.

– Ну, – сказал Закирзянов, направляя автомат персонально на Рената. Ренат задумчиво посмотрел на кружок дульного среза и пошел к братве. Как ни крути, приходилось выбирать отвратительный вариант.

Он встал слева, так, чтобы сразу перепрыгнуть через капот и укрыться за корпусом машины, неторопливо положил руки на остывающую черную полировку и, не отрывая от них взгляда, буркнул себе под нос:

– Пять.

Отсчет пошел.

Четыре.

Птицы орали все истеричнее.

Три.

Ренат чуть наклонился вперед, напрягинивая руки. Ему было и проще, и сложнее, чем парням. Проще, потому что он в случае удачного прыжка хотя бы на несколько секунд уходил из зоны обстрела: по собственному опыту Татарин знал, что «калашников» лимузин *BMW* седьмой серии насквозь пробить не способен – братве же предстояло валиться на спины или бросаться ласточкой в стороны, паля по движущимся мишеням с лету. Сложнее, потому что он не знал, как успели переместиться гаишники – а парни, выстроенные вдоль дворец, следили за отражением в стеклах. Ладно, пофиг.

Два.

Ренат набрал в грудь воздух перед прыжком и тут же не спеша выпустил его через ноздри. Потому что стоявший на правом фланге Славка громко и протяжно сказал:

– А что, командир, их ты тоже обыскивать будешь?

Со стороны Самары к КПМ подходила колонна военной техники. На переднем БТР развевались флаги России и спецназа ВВ.

2

Вечность пахнет нефтью.
Егор Летов

Май.

События сорвались как велосипед со стенки: неожиданно, глупо, звонко – и прямо по костяшке. Газеты и аналитические телепрограммы, конечно, находили и выдерживали отдельные нити происходящего – но не было Фучика, который усек бы, что нити давно сплелись в плотную петлю, нежно охватившую гортань страны и эпохи. И что табуретка отлетает в сторону – вот сейчас, когда мы опаздываем на работу, чистим зубы или орем на сына, отказывающегося делать уроки – в этот самый момент страна и эпоха испаряются беззвучной вспышкой, а их место занимает что-то другое, подкравшееся на цырлах. Совсем такое же, но чу-уть-чуть другое. Разницу объяснить почти невозможно, это обстоятельство мучает, загоняя в состояние заторможенной ненависти. Хотя на самом деле все очень просто, даже на уровне слов и чувств: вчера я бы так не сказал, ты бы так не сделал, он бы вообще заперся дома и носу под гнусное небо не казал бы. А вот сегодня я рывкнул, ты ушел в пугающий штопор, а о нем вообще к ночи не надо бы, да и дети кругом. Жизнь лопается и выворачивается кишками наружу, и что в кишках – известно. И ведь мы-то не изменились. Значит, изменилось все прочее: порвалось, сломалось – и позволило делать то, что вчера было нельзя.

Все действительно изменилось – для России. После выведения нефтедобычи Ирака на довоенный уровень рухнули цены на нефть. Медвежьей во всех смыслах услугу рынку оказали и появившиеся тут же сообщения о том, что промышленная эксплуатация крупнейших месторождений на Аляске (до пяти миллионов тонн в месяц) начнется в течение полугода. Оголтелую оптимистичность этих прогнозов (заявленный уровень добычи грозил новым месторождениям лишь лет через пять-семь, и то при условии, что проданный Александром II кладезь ископаемых будет издырявлен скважинами как российский сыр) и торчащие из-за них уши компаний, осваивающих Аляску, разглядели не только специалисты – но паника вещь заразная и коммерчески успешная.

Впрочем, само по себе падение цен еще можно было перетерпеть: скачки и проседания случались всегда, хотя настолько чудовищного падения, до \$4 за баррель, еще не было. Но основные сырьевые биржи мира практически сразу приняли консолидированное решение о прекращении котировки нефти Urals, на которую приходилась львиная доля российского экспорта. Это, по словам представителей бирж, должно было выправить ценовую ситуацию, а заодно резко улучшить экологическую обстановку на планете, которую и так здорово попортила высокосернистая русская нефть. Раньше с этой грязью приходилось мириться, потому что нефти не хватало, теперь же ее было полно, причем чистой и дешевой аравийской. Так что нужда в русском коктейле отпала – все свободны, всем спасибо.

Кремль впал в шок, который усугубили рассуждения представителей европейских правительств о том, что, в принципе, пора подумать и о резком сокращении поставок российского газа за счет развития альтернативных энергоисточников, а также оптимизации как собственных (норвежских), так и дополнительных (азиатских) возможностей. Попытки отыграть ситуацию политическими и юридическими методами не удались. Даже благосклонно относящиеся к Москве политики и финансовые гиганты лишь кивали друг на друга и рассказывали российским представителям, как они сожалеют о столь дурном развитии событий – но изменить ничего не способны при всем желании. А суды, инициированные российскими компаниями и правительственными учреждениями, закончились проиг-

рышем истцов – как сразу честно предупредили частные адвокатские конторы из Швейцарии и США, представлявшие интересы России.

Выход, казалось, нашла собравшаяся в Тюмени расширенная коллегия Минэнерго РФ. С подачи сибирских компаний она предложила правительству – и правительство предложение с удовольствием приняло – отключить от нефтепроводов Татарстан и Башкирию, основных поставщиков высокосернистых нефтей, смешиваясь с которыми качественная сибирская нефть и превращается в дешевый второсортный *Urals*. Постановление правительства по этому поводу вышло практически мгновенно, и уже через неделю две независимые компании, немецкая и английская, официально подтвердили, что теперь российская нефть на выходе из экспортной трубы резко отличается по своим параметрам от *Urals*, соответствует ужесточенным требованиям ОПЕК и энергетического комитета ЕС, а потому, как и предлагает московское руководство, может, во-первых, продвигаться под новой торговой маркой *Tumen*, во-вторых, вернуться на европейский рынок. В ответ энергетический комитет рекомендовал России обеспечить мониторинг качества нефти в течение полугода, после чего выводы будут изучены и проверены европейскими специалистами, которые и вынесут рекомендации о допуске или недопуске *Tumen* на западный рынок. К тому времени, заявили представители комитета, Россия, возможно, сумеет отрегулировать внутренние проблемы с поставщиками нефти.

Проблема сводилась к позиции Татарстана. Вместе с Башкирией он сразу начал опротестовывать постановление, фактически переводящее республику из доноров федерального бюджета в последнего нищегорода. Как и следовало ожидать, федеральный центр в сложившейся ситуации оказался глух ко всем уговорам, мольбам и угрозам прекратить финансирование федеральных программ на территории регионов. Москва лишь нервно гарантировала, что бюджетники и пенсионеры в ущемленных республиках «не окажутся в проигрыше по сравнению с другими регионами» – но благоразумно не стала уточнять, каково придется другим регионам. Потом уговоры Кремлю надоели, и он цыкнул на сварливые территории. Башкортостан, последние годы стабильно сокращавший добычу нефти, нехитрый намек понял и досаждать перестал. Татарстан, сумевший аналогичное падение сократить и повернуть вспять, не перестал – а подал в международный суд в Лозанне иски против ЕС и правительства России. Одновременно татарские нефтяные компании прекратили отгрузку сырья перерабатывающим заводам, принадлежащим ЛУКОЙЛу, ЮКОСу и ТНК – и объявили о новой сбытовой политике. Отныне вся высокосернистая нефть будет перерабатываться на территории республики. А на сторону будут продаваться продукты ее глубокой переработки, а также качественная девонская нефть, добываемая в небольших количествах на новых месторождениях. При этом стратегическим направлением деятельности для компаний и принадлежащих им химкомбинатов останется экспорт, для сохранения которого на прежнем уровне Татарстан готов жестко конкурировать с российскими компаниями и вступать в кооперацию с иностранными производителями.

Первый же караван танкеров «Татнефти», ушедший из Татарстана по невнимательности таможенников (они были наказаны) и разгрузившийся в Литве, показал, что татары не шутили: мгновенно отдав нефть и обессеренный мазут по демпинговым ценам, они сорвали давно готовившуюся сделку местных властей с пулом российских компаний, в ходе которой задохнувшийся без сырья Мажейкяйский НПЗ должен был опять перейти в российские руки. Ан не перешел. Что вызвало оправданное бешенство как у участников сделки, так и у обеспечивавших ее благополучие чиновников.

Видимо, под влиянием этих возмутительных обстоятельств кремлевская администрация и пришла к выводу о необходимости радикального реформирования устройства России. Идея референдума, обсуждавшаяся поначалу, была отринута за ненужностью: принятые недавно поправки к конституционному закону «Об объединении регионов РФ и вхожде-

нии в состав Федерации нового члена» позволяли заменить всенародное волеизъявление заседаниями семи окружных законодательных собраний. Татарстан немедленно отозвал собственную великолепную семерку представителей из Приволжского законодательного собрания и 19 мая, одновременно с сессиями окружных собраний, провел-таки республиканский референдум на заданную тему. Результаты получились противными – что бы под этим не понималось. Все окружные собрания единогласно проголосовали за поэтапное укрупнение регионов и создание на базе округов семи губерний. 82% жителей Татарстана, принявших участие в референдуме невзирая на рабочий день, проголосовали за сохранение действующего статуса Республики Татарстан. К двум миллионам голосов «за» внутри республики добавились 400 тысяч таких же бюллетеней за ее пределами – голосования были организованы татарскими полпредствами, действующими, оказывается, в большинстве областных центров.

Центризбирком России тут же объявил татарский референдум нелегитимным, неконституционным и недействительным – и уверенности ради обратился с этим предположением в Конституционный суд. Суд побил все рекорды, сократив стандартную полугодовую процедуру в сотню раз, и уже через два дня блестяще подтвердил все предположения ЦИК. А заодно вынес решение по иску никому не известного жителя Казани Расима Ибрагимова, оспаривавшего соответствие российской Конституции так называемого большого договора между Казанью и Москвой, подписанного в феврале 1994 года. Суд, как и ожидалось, признал договор не соответствующим российскому Основному закону, а значит, ничтожным.

В тот же день президент Татарстана Танбулат Магдиев собрал брифинг для соборов российских и иностранных газет (последних подвезли чартерным рейсом из Москвы), на котором выступил с заявлением. Магдиев сообщил, что последние действия федерального центра, по сути, в одностороннем порядке приостанавливают действие названного договора РФ и РТ о разграничении полномочий и предметов ведения. А значит, фактически выводят Татарстан из состава России, в которую республика, согласно собственной конституции, входила как раз на основании упомянутого документа. Магдиев сообщил, что создавшееся положение ставит под угрозу существование федерации как таковой, и что Татарстан, с одной стороны, намерен выяснить официальную позицию руководства страны по данному вопросу, с другой – готов отстаивать свой взгляд на федеральное устройство, для чего в ближайшее время обратится в международный суд.

Сразу после этого Магдиев вместе с московскими журналистами обратным чартером отправился в Москву, где провел консультации с советом Федерального собрания. На вечер он договорился с заместителем главы администрации президента России о встрече с Олегом Придорогиным. Однако за два часа до срока в полпредство Татарстана позвонил заметно сконфуженный глава администрации и сообщил, что президент срочно уехал в загородную резиденцию для работы над документами, и в течение ближайших дней встретиться с руководителем Татарстана не сможет. Перед отъездом Олег Игоревич попросил Танбулата Каримовича все вопросы обсудить с полпредом президента в ПриФО, который обо всем доложит – не зря же, в конце концов, создавались округа. Ну да, не зря, сказал Магдиев и вежливо попрощался.

Через день президент Татарстана дал официальное согласие участвовать в организованных советом безопасности ООН по инициативе США и Турции слушаниях, посвященных проблемам регионализации в странах новой демократии. Через полтора часа после того, как подтверждение ушло из Казани, Магдиеву позвонил Придорогин и убедительно попросил в Брюссель не лететь. Магдиев полетел и выступил.

Совет безопасности принял специальную резолюцию «О гарантиях прав субгосударственных образований на территории бывшего СССР». А Генпрокуратура России возбудила в отношении Магдиева дело о злоупотреблении служебным положением.

Танбулат Магдиев прилетел не в Шереметьево, а сразу в Казань – снова незапланированным чартером. Из-за рассогласованных действий службы гражданской авиации и менее гражданских службы о смене маршрута стало известно слишком поздно, когда в Шереметьево уже были стянуты несколько групп спецназа ФСБ и ГРУ. Их встретили фотовспышки и камеры нескольких десятков журналистов, в основном иностранных.

На следующий день командующий Приволжско-Уральским военным округом Сергей Заикин распорядился усилить казанский гарнизон частями, дислоцированными в Оренбургской и Свердловской областях, а также начать подготовку к внеочередным масштабным учениям «Внутренняя угроза». Учения были несколько нестандартными: на стратегические объекты, расположенные в граничащих с Татарстаном республиках и областях, для усиления местных караулов дополнительно переводились мотопехотная и воздушно-десантная дивизии, которые вообще-то совершенно не были обучены толковой охране объектов. Они специализировались на марш-бросках и боях с ходу, а главное – прошли Чечню и имели опыт военных действий в городских условиях. В течение 48 часов передислокация должна была завершиться блокированием периметра Татарстана, после чего объявлялась получасовая готовность к началу учений. Они, как подчеркивали в своем инструктаже представители штаба ПУВО, были максимально приближены к боевым.

В тот же день министр внутренних дел России Альберт Пимукوف подписал два приказа. Первым глава МВД Татарстана Максим Давлетгараев освобождался от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу. Место работы приказ не называл, зато однозначно рекомендовал Давлетгараеву срочно прибыть в Москву для получения новой должности. Исполняющим обязанности республиканского министра был назначен Аяз Гарифуллин – бывший первый зам Давлетгараева, два года назад с тихим скандалом выброшенный из кресла за совсем уж беззастенчивое мздоимство и неприкрытую симпатию к паре местных ОПГ и перебравшийся на бумажную должность в Москву.

Второй, закрытый, приказ предусматривал переброску в Татарстан «в связи с осложнившейся оперативной ситуацией» нескольких батальонов внутренних войск и ОМОНа разных городов России. Для встречи с личным составом этих частей из Москвы вылетели чиновники Совета безопасности – все как один щуплые шатены с невыразительными лицами. Они должны были призвать милиционеров с честью выполнить свой долг и не поддаваться на провокации, но при этом не забывать, что Татарстан был и остается внутрироссийским форпостом чеченских ваххабитов, расстреливавших омовцев во время кавказских командировок.

В свою очередь, Танбулат Магдиев подписал указ, в котором в связи со служебной необходимостью назначал на время служебного отъезда Максима Давлетгараева его действующего первого зама Сергея Криштофовича. Официальные казанские газеты, опубликовавшие указ, в комментариях к нему сообщили, что документ полностью соответствует действующему республиканскому и федеральному законодательству, соответственно, нелегитимным является приказ российского министра внутренних дел – и, еще раз соответственно, Гарифуллина пока лучше в Казань не приезжать.

Первый приказ, подписанный Криштофовичем, досрочно – за неделю до официального завершения трехмесячной командировки – отзывал оба сводных татарстанских отряда из Шелковского района Чечни и Грозного.

3

Эх, яблочко, вниз покатилося, а жизнь кавказская... накрылася.
Анатолий Приставкин

Станица Гребенская – Казань.
Май.

Марсель Закирзянов газет не читал, аналитиков не слушал. Он просто знал, что вторая чеченская командировка, теперь не в Гудермес, а в тихий Шелковской район, началась так, как положено – несмотря на то, что ехал он не капитаном, а старлеем. А закончилась глупым каким-то предательством, в которое поверить было невозможно – лучше уж в стену головой. Но такой радости Закирзянов никому доставить не собирался.

Началось, как всегда, с фигни. Руслану Галееву, зеленодольскому УБЭПовцу, позвонил чеченский милиционер, с которым они познакомились днем раньше, и попросил срочно подъехать в их отделение. Русский перед самой командировкой начитался каких-то исторических книжек, и теперь со страшной силой рвался найти столицу древней Хазарии Семендер, расположенный где-то между Гребенской и Шелковской. Марсель и еще пара ребят на первых порах тоже увлеклись этой идеей и в первые же свободные выходные отправились искать неразумных хазаров. Нашли они только свежее минное поле, осмотрев которое Закирзянов сплюнул и скомандовал кругом. А когда Руслан заканючил, взял его за «разгрузку» и подпнул под тощий зад.

Русый вроде бы и сам отвлекся от винни-пуховой идеи устроить иск-педицию – тем более, что именно на него свалилась обязанность шефствовать над четырьмя обнаружившимися по соседству татарскими деревнями. Деревни были совершенно заброшенными, молодежь давно разбежалась, и Марсель предпочитал не знать, куда. Остались по-кавказски статные старики и бойкие старушки самого муслюмовского вида. Питались они молоком, кислым сыром и мелкой картошкой с утыканными осколками огородов. Бугульминский майор, возглавлявший сводный отряд, немедленно распорядился поставить стариков на довольствие, причем доставку говяжьей тушенки и хлеба должен был обеспечивать Русский. Он и обеспечивал. И не ныл, наоборот, придумывал всякую веселую фигню вроде «Гребаной жизни» – так почти официально татарстанцы стали называть гребенскую командировку. И каждый вечер рассказывал, что в Шадках в клубе библиотека, блин, осталась – закачаешься, еще времен генерала Ермолова, а в Тархан-йорте вчера такую девчонку видел – разрыв башки, я к ней, *isämnesez*⁴, говорю, а она глазами зыркнула, косами махнула, и нет ее. Только воздух зашелестел. Кавказ, бляха...

С милиционером из соседней деревни Шадки Руслан сошелся на той же хазарской теме. Пожилой уже дядька в звании младшего лейтенанта (больше одной звездочки-сиротинки на погон ментам из чехов, не вписанным в президентский род, не полагалось – потому что чехи; а не нравится, идите к Хаттабычу, он волосок выдернет и живо бригадными генералами сделает, объяснил местным в неформальной беседе один из заезжих проверяльщиков) всю жизнь преподавал историю в районной школе и потихоньку окапывал окрестности. Потом жизнь кончилась, началась война, школьники ушли в полевые командиры, а окапывание местности приобрело прикладной характер. Дедок посидел несколько лет без работы, а потом подался в менты. Он расцвел, почуяв томящуюся внутри Галеева родственную душу, и пообещал в ближайшее время показать пару мест, где доподлинно стояли хазарские

⁴ Здравствуйте

дворцы и синагоги. Историки, недоделанный и переделанный, договорились встретиться в субботу, но чеченец вышел на связь уже в среду. Он, откровенно волнуясь, сказал, что здание окружают явные омоновцы, которые то ли получили неверную информацию, то ли решили немедленно отомстить местным за павших товарищей – а ближе ментов местных в этот час не нашлось. Дедок наивно решил, что один русский милиционер другого русского милиционера уговорит не беспредельничать куда быстрее, чем это сделает самый красноречивый чеченец. А то, что один из русских еще и татарин, так это даже лучше. Вот и позволил историк, которого ни любимая история, ни постылая жизнь так ничему и не научила. Русого, впрочем, тоже. Он, дурак, помчался на чужую землю, толком на предупредив никого из своих. Успел вовремя: командир омоновцев, широкий капитан в маске, только вышел на исходную и заорал: «Э, коллеги, выходи по одному с поднятыми руками». Тут Галеев и сунулся со своей справедливостью, за которую, в общем-то, в командировку и загремел. Его сперва чуть не застрелили. А разобравшись, обступили, дыша плохой водкой и чистой ненавистью. Парень в кожаной куртке поверх камуфляжа, жилистый и нервный, заорал: «А, сука, за своих муслимов заступиться решил?» – и попытался с ходу сунуть Русому в челюсть. Галеев пошел в отмах, на него кинулись еще двое. Тут же влез капитан, рывкнул: «Тихо, сказал!», отшвырнул самых горячих, потом, извиняясь, похлопал Руслана по плечу, а другой рукой снес Галеева в грязь.

Пока Русого пинали, капитан усталым голосом рассказывал, как его задолбали зверьки, который уже везде – и в спецназе, и в Кремле, и ведь ни хера с этим не сделаешь. Сделаешь, братан, сделаешь – Чечня еще тыщу лет кровью срать будет всякий раз, как вспомнит, что можно на русских хвост поднимать. И Татария будет, ты не волнуйся, будет – так своему Магдиеву и передай.

Взвод Закирзянова примчался в райотдел, когда омоновцев и след простыл. Чеченские менты разбрелись по домам – отмываться и зализывать раны. Только двое возились с Галеевым, которого перетащили в красный уголок, единственную приличную комнату в райотделе – помимо портрета Придорогина его украшал почти целый стол и два офисных кресла, попавших в Шадки черт знает каким образом. Седоватый – перец с солью – младший лейтенант виновато посмотрел на ворвавшегося в комнату Марселя и убрал багровый марлевый ком от вздутого полопавшегося лица Руслана, который неровной грудой лежал на столе. Кровь на собственных разбитых губах замначальника райотдела, похоже, не чувствовал. Второй чеченец, молодой парень со свежесломанным носом на бандитском лице, увидев казанских, отложил шприц, осторожно взял себя за поясницу и сказал с сильным акцентом: «Давай врача своего зови. Я не знаю. Антишок хотел ввести. Надо, не надо, сам давай думай».

Русому повезло: обошлось без серьезных переломов и разрывов внутренних органов. Жалеючи били, объяснил врач.

Капитану тоже повезло. Закирзянов его не нашел. Военная прокуратура дело возбудить отказалась за отсутствием заявителя. Служебная проверка кончилась ничем. Три сводных отряда региональной милиции, дислоцированные в окрестных районах, в этот день в полном составе были задействованы в спецоперации за полсотни километров от райцентра. А представитель военной прокуратуры, которого Закирзянов неделю спустя отловил после оперативного совещания, глядя Марселю в кадык, заявил, что при имеющейся доказательной базе можно всерьез рассматривать только две версии. Первая: старший лейтенант Галеев стал жертвой переодетых боевиков, пытавшихся организовать очередную провокацию. Вторая: нападение на зеленодольского милиционера стало итогом конфликта внутри подразделения и было инсценировано татарскими коллегами старлея. А что вы так смотрите, были, были такие случаи, сказал прокурор и попытался уйти. Отпустите-ка рукав, мне потом самому форму стирать придется.

А меня завтра в спину грохнут, ты тоже убийц не найдешь? – спросил Закирзянов. Да кому вы нужны на хер, грохать вас. Чехи вас на руках носят, а нашим пачкаться неохота, сказал прокурор. Руки убери, мститель.

Колонну, которую охраняли казанцы, обстреляли два дня спустя. Обошлось без жертв – может, потому, что невидимые нападавшие сосредоточились на двух машинах сопровождения, в которой ехали татарстанские милиционеры – а те вдруг оказались настороже и кинжальным огнем высекли кустарник, из которого велся обстрел. Только Сереге Иванькову из Бугульмы, носившему понятную кличку Неяпончик, пулей оцарапало ногу выше колена. В тот же вечер в гости нагрянули красноярские коллеги – с двумя бутылками сорокапятиградусной сибирской и шматом сала. Встретили их спокойно и тихо, не озадачивая, как обычных гостей, дикими розыгрышами или специально заготовленными для таких случаев жеманными беседами типа «Кто взял мою помаду и вазелин, противные?» Коллеги посидели в учительской – единственной приспособленной для обедов комнате раздолбанной школы, в которой была устроена казарма, выпили сначала сибирскую, потом еще две бутылки «Тысячелетней Казани». Сибиряки пожаловались, что вот у них тоже двоих сегодня зацепило, и тоже легко, добились водку и сало, отказались от коробки чак-чака⁵ («Спасибо, мы это не едим») и, пожелав удачи в следующий раз, вразвалочку удалились.

– Марса, на разводе про красноярцев говорили чего? Были у них огневые сегодня? – спросил Серега.

– А ты как думаешь? – осведомился Марсель.

– И что нам теперь делать? – помолчав, задумчиво сказал Неяпончик.

«Не знаю. Не знаю, что делать», голосом Жеглова хотел рывкнуть Закирзянов, но не стал – тошно было. Делать ничего не пришлось: на следующий день майор, земляк Неяпончика, возглавлявший гребенской отряд, зачитал приказ и. о. министра о досрочном возвращении в связи с оперативной необходимостью и спросил «Вопросы есть?» Вопросов ни у кого не было: бойцы молча смотрели в пол и на облезлые стены актового зала, и только совсем зеленый сержант Аристархов вздохнул с тоскливым облегчением.

Вопреки обыкновению, в обратный путь отправились не на поезде, а на специально прибывшем самолете авиакомпании «Татарстан». Его распоряжением майора тут же взяли под усиленный караул, который сутки напролет не снимал рук с автоматов, не обращая внимания на веселые шутки штатной охраны аэропорта. Улетели благополучно – правда, впервые за последние годы татар никто не провожал.

Вернувшись домой, Закирзянов ночь не спал, сидел, курил на стильной лестничной площадке, пока Гульназ не всполошилась и не загнала его на кухню – пустую в этот час, так что никто из соседей орать не стал. Марсель сказал, что подаст рапорт. Гульназ спросила: «А очередь?» В очереди на квартиру по УВД они были шестыми. Шестыми они были уже пятый год. Зато второй год им полагалась уже не однокомнатная, а двухкомнатная – потому что Галим родился. «Очередь, – помолчав, сказал Марсель. – С одиночных на очередь. Всю жизнь стоим, и до смерти стоять будем. Стоять насмерть, блин. Так, Гуль, да? Может, не шестыми, а четвертыми. А еще парочку родим, нас на трехкомнатную поставят. И еще пять метров в соседнем блоке дадут».

Гульназ некоторое время невидяще смотрела на свое мутное отражение в жирном оконном стекле (окна в общежитии в ноябре, когда ждали московское начальство ко Дню милиции, да так и не дождались). Потом сказала:

– Марсель, делай, как считаешь нужным. Только где мы жить будем?

Комбат тоже об этом спросил. Сначала, конечно, орал, заставляя трепетать торчавшее в углу знамя сводного полка, потом сворачивал могучий кукиш и грозил, что вот чего ты

⁵ Медовое лакомство

теперь получишь, а не боевые, потом предполагал, что когда очко на минус уходит – это, на самом деле, не лечится. Потом спросил. Марсель пожал плечами и сказал:

– Найду.

Он просто не хотел пока думать о том, где найдет приют веселая семейка, состоящая из безработного мента, его вечно хворающей, да еще кормящей жены и двух разнополых, как они это называли, и очень разновеликих (восемь лет разрыв – не шутка) детишек. Комбат посмотрел-посмотрел на него, вздохнул и вполголоса произнес:

– Марсель, ходатайство о возвращении тебе капитана на рассмотрении у министра. Не могу ускорить, понимаешь?

– Надо мне этого капитана, – буркнул Закирзянов. И сам заорал:

– Ты вообще знаешь, что происходит там? Что мы врагами стали? Что татар скоро как черных на каждом углу гасить будут? Это что, шутки, да?

– Знаю! – заорал комбат и тут же сбавил тон. – Не ори. Знаю. А ты думал, по-другому будет? Им сказали – они делают. И будут делать. А ты уйдешь – вообще *bik äybät*⁶ будет. Ты уйдешь, я уйду, из ваших вон Серый уйдет, Вован, Русский твой залечится и свалит. Зашибись будет, да?

Марсель дернул плечом и промолчал.

Комбат встал из-за стола, сделал привычный шаг влево-шаг вправо – на большее кабинет не был рассчитан – и сказал:

– Короче, Марсель, предложение такое. Просьба даже, не предложение. Весь чеченский отряд переведен в личное распоряжение министра. Ну, Криштофовича. Так что уволить тебя все равно никто не уволит – сам понимаешь, что будет, если ты умудришься на министра с этой бумажкой выйти, – комбат махнул рукой в сторону рапорта. – Давай так. Я так понимаю, в течение недель двух-трех отряд все-таки распустил: вроде истерика эта уляжется скоро. Мне в министерстве сказали. Так вот, я думаю, сразу после этого тебе звание вернут. Этот пидор из прокуратуры уволился, челюсть у него зажала, дело против тебя закрыли. Все решим. Да не кривись ты, слушай. Сейчас важное скажу. Слушай. Я тебе обещаю, вот сейчас слово даю, что до конца года ты получишь квартиру.

– Откуда? – небрежно усмехнувшись, поинтересовался Закирзянов.

– Да достраивается тут один дом в Клыках. Он был на Минюст рассчитан, но сейчас начальство с ними как бы поссорилось. И нам вроде должно что-то обломиться. Трехкомнатную не обещаю, но двухкомнатная будет. Честно. Бляха, и мне не веришь, да?..

– Да верю я, Гафурыч, верю, – сказал Марсель. – Да кабы только от тебя все зависело... Ладно, спасибо. Пойду я.

– Рапорт заberi, – попросил комбат.

В тот же вечер всех шелковских собрали в министерстве и после короткого инструктажа разбросали по КПМ и райотделам на административной границе Татарстана. Закирзянову и Иванькову досталась точка на стыке Нурлатского района и Самарской области.

⁶ Очень хорошо

4

Дивизия МВД, входящая в состав министерства внутренних дел, тоже не имела тяжелого вооружения и представляла собой полувойсковую часть, зато комплектовалась из татар, отличающихся своей жестокостью и ненавистью к русским.

Том Клэнси, Лэрри Бонд

КПМ «Юг», административная граница Самарской области и Татарстана.

27 мая

Откровенно говоря, капитан Кириллов никаких проблем не ждал как минимум до Пестречинского района, примыкавшего к Казани – по карте это было километров 150. И на подходах к первому татарскому КПМ велел сбавить скорость, скорее, из вежливости. А также из опасения, что наверняка дрыхнувшие гаишники, разбуженные грохотом колонны, начнут беспорядочно метаться и, например, угодят под технику. Это в лучшем случае. Опыт сотрудничества с дорожными инспекторами в условиях, близких к полевым, Андрей получил давно – и оказался тот беспроблемно негативным. Поэтому капитан безо всякого инструктажа пообещал себе быть предельно вежливым, тихим и подторможенным. Во избежание. Впрочем, и инструктаж он выслушал с предельным вниманием – несмотря на то, что каждый из слетевшихся со всех сторон начальников говорил, в принципе, одно и то же, наводя на личный состав обморочную тоску.

Лицо старлея, подошедшего к головному бронетранспортеру, показалось Кириллову знакомым. Наверное, только показалось – сроду он в Татарии не был, с тамошними ментами пересекался по такой касательной, которую можно и не считать – в том числе и Чечне, откуда три дня назад выдернули Кириллова вместе с его отрядом. Наверное, облачение давало ложную подсказку: встречающий был не в традиционной униформе со светоотражающей аббревиатурой «Дай, пожалуйста, столтник», а в камуфляже, жилете с «разгрузкой» и при пистолете-пулемете «Бизон». Капитан легко спрыгнул с брони и зашагал к старлею, включая самую обаятельную из своих улыбок. Козырнул первым и, без особого усилия перекрикивая заглушенные дизеля, сообщил:

– Принимайте гостей, начальник. Прибыли, понимаешь, в ваше распоряжение – крепить оборону и о-бес-пе-чивать национальную безопасность.

Старший лейтенант, без выражения глядя на него, что-то беззвучно сказал.

– Прости, не слышу, – извиняющимся тоном заорал Андрей.

Старлей, все так же скучно глядя на капитана и не снимая рук с висевшего на животе «Бизона», двинул пальцем в сторону головной машины, а потом той же рукой изобразил закрывающуюся пасть. Кириллов начал злиться: во-первых, не так уж громко стучали дизеля. Во-вторых, полковник два раза повторил, что колонна должна выйти на исходную к семи утра, так что любую задержку пришлось бы компенсировать форсажом и нервотрепкой по пустякам. Наконец, это было просто хамство, объясняться со старшим по званию знаками – причем, если бы капитан не смотрел на руки татарского мента, он бы просто этих знаков не увидел. И что тогда?

Ладно, разбудили человека зря, столтник, очевидно, не дадим – вот он и злится, решил Кириллов и заорал, все так же лучезарно улыбаясь:

– Извини!

Запрыгнул на броню и дал команду заглушить моторы. Старлей истуканом торчал на пути, равнодушно рассматривая колонну (сэндвич из трех БТР-120, два спереди, один

сзади, а между ними – пара шестиколесных камазовских вездеходов «Мустанг» с брезентовыми тентами), пока не заглох движок замыкающего БТР. Дизель слегка барахлил, потому напоследок выдал довольно неприличную очередь. Только после этого гаишник перевел взгляд на вернувшегося Андрея и сообщил:

– Старший лейтенант Закирзянов. Ваши документы, пожалуйста.

– Какие? – заржал Кириллов. – Права или путевой лист?

– А мне одинаково, – сказал старлей и замолчал.

Подождав пару секунд, Кириллов вздохнул и полез в нагрудный карман за удостоверением. Старлей внимательно прочитал все, что там было написано, кивнул, и снова уставился капитану куда-то в нос, непонятно пробормотав «И все такие разные».

Андрей добродушно поинтересовался:

– Ну что, командир, можем ехать?

– Нет, – сказал старлей.

– Здрасьте, – все еще весело удивился капитан. – А почему?

– А потому, товарищ капитан, что я до сих пор не получил объяснения, зачем капитан спецназа внутренних войск из Самары во главе колонны броневой и, я вижу, прочей спецтехники направляется в соседнюю республику.

– Так я вам объясню, товарищ старлей, – сказал Кириллов, стараясь хранить жабые хладнокровие. – Капитан спецназа и переданное в его распоряжение подразделение выполняет приказ. Вышестоящего начальства.

– Могу я ознакомиться с приказом? – поинтересовался старлей.

– Нет, – ответил капитан все еще спокойно. – Это мой приказ и моего начальства.

– А это мой пост, – объяснил старлей. – И у меня есть приказ на этом посту обеспечивать общественную безопасность.

– Извини, лейтенант, а ты что, правда считаешь, что мы безопасности угрожаем? Типа злые соседи пришли захватить татарскую землю? – ухмыльнувшись, поинтересовался Андрей.

Старлей наклонил голову набок, помолчал секунду и сообщил:

– Вы знаете, товарищ капитан, последний раз военнослужащие из соседнего региона приезжали к нам в феврале 2002 года. Из Ульяновска. Они через КПМ «Восток» ехали – это не очень далеко отсюда, час езды. Вы не в курсе, чем все кончилось?

Кириллов, безусловно, был в курсе. Двое десантников, служивших в элитной части под Ульяновском, среди ночи вооружились до зубов и поехали в сторону Казани, попутно убив чуть ли не десяток человек, в том числе пятерых татарских милиционеров.

– Зашибись, – воскликнул Андрей. – Ты чего говоришь, друг? Ты что мне нервы треплешь? Я тебе что, дюк малосольный-дезертир, что ли? Я приказ выполняю, понял?

– Я счастлив, – сказал старлей и повторил – но так, словно первый раз: – Могу я ознакомиться с приказом?

Андрей глубоко вдохнул и для разрядки обозрел окрестности. Они были неинтересными: слева до горизонта бугристая пустошь, поросшая необязательной травой, справа жиденькая лесопосадка, прямо – упрямый козел с штурмовым автоматом, за его спиной метрах в тридцати – пара серебристых «бимеров», вдоль которых вперемешку выстроились человек семь пятнистых ментов и гражданских – самого, между прочим, бандитского вида. Еще метров через десять кирпичное здание КПМ со стеклянным вторым этажом. Фигня, словом, на двадцать секунд интенсивной работы. Мы не в Чечне, тут же напомнил он себе. Сказано: быть по возможности вежливыми. Правда, под возможностями уже дондышко видно.

– Дорогой товарищ старший лейтенант, – сказал Кириллов с чувством. – Мне отдан устный приказ. И показать я его не могу. Могу только сказать, что к 7 утра мы должны быть в пункте назначения. А дотуда ходу часа два. И хрен знает сколько ваших коллег. И что мне

теперь, возвращаться в Самару и просить полковника напечатать приказ в ста экземплярах – для каждого татарского коллеги? Или, может, татарские коллеги все-таки перестанут залупаться и свяжутся наконец со своим начальством? Чтобы, значит, понять, кого следует доставать часами напролет, а кому придавать машину сопровождения с вот такенным татарским флагом – или что вы там вешаете, чтобы вас не тормозили у каждого столбика?

– Тхь! – сказал старлей с крайне скептическим видом. Пару секунд побуравил взглядом капитана и колонну за его спиной (несколько офицеров вылезли на броню, безучастно наблюдая за ходом переговоров), потом достал из нагрудного кармана рацию и включил звук, убранный, видимо на время беседы – кстати, вопреки инструкциям, отметил Кириллов, который с интересом наблюдал за манипуляциями старлей. Вместо нудных ментовских переговоров динамик порадовал окрестных птичек интенсивным однотонным треском. Все, стало быть, шло по плану, и бригада радиоподавления, как и полагалось, пять минут назад приступила к работе. Старлей несколько секунд послушал неприятный треск, потом переключил частоту, еще раз и еще – все без толку. Тогда он вырубил рацию совсем и аккуратно убрал ее обратно в карман.

– Тяжело вам, наверное, работать, без связи-то, – посочувствовал Андрей.

– Работать всегда тяжело, – ответил старший лейтенант и зачем-то улыбнулся. Добродушно так. И добавил: – Видите, товарищ капитан, начальство так занято, что на фиг всю радиосвязь отменило. Придется вам со мной договариваться.

– Ну так айда договариваться, – обрадовался Андрей. – По таксе, стольник, или ты с каждого борта еще грузом берешь? Так это без проблем. Извини, арбузы не везем, не поспели еще, а солярки ведерко нальем – за четвертак мухом загонишь. Пошли, налью.

– Не, – сказал старлей, прекратив улыбаться. – У меня встречное предложение. За моей спиной карман видите, где иномарки стоят? Загоняем колонну туда и ждем, пока связь не починится. Если я все правильно понимаю, к вечеру чего-нибудь дождемся. А солярку погоди транжирить – тебе еще домой ехать. Можешь прямо сейчас, кстати, развернуться – я препятствовать не буду.

– Да зачем разворачиваться? – удивился капитан и даже почесал левой рукой затылок. – Я лучше дальше поеду.

– Да не поедешь, Андрей Сергеич, честное ментовское, – возразил старлей. – Давай командуй своим – пусть правее принимают и паркуются. Я распоряжусь, чтобы бээмвухи подвинулись.

Старший лейтенант начал поворачиваться к своим. Капитан хэкнул и вполсилы, чтобы не убить, ударил его в шею. Тут же подхватил левой рукой за лямку жилета и подтянул к себе, а правой зацепил старлеевский «Бизон» – чтобы, значит, не стрельнулось случайно.

Начало получилось очень удачным. Саня Егоров, сидевший в головной машине, не прохлопал сигнал Андрея и мгновенно завел дизель – и рев тут же подхватили остальные машины. Старлей послушно повалился в объятия старшего товарища, который быстро поволок его к БТР. А остальные капээмовцы вроде бы ничего не успели понять.

На второй секунде все поломалось. Старлей едва коснувшись жесткой спиной груди Андрея, резко мотнул головой назад. Лицо взорвалось гранатой, ослепившей и сорвавшей дыхание – и тут как молотком ударило руку, лежавшую на «Бизоне»: татарский мент коротким рывком сломал капитану большой палец и запястье. Андрей, охнув, выпустил автомат и получил жестокий удар прикладом в солнечное сплетение. Сердце лопнуло и острым осколком перерезало грудь и горло, поэтому дышать стало нельзя. Кириллов попытался отмахнуться ватной ногой, но чуть не повалился наземь – и тут же железный коготь сдавил гортань и впился в ямку под левым ухом, а чудовищный голос легко перекрыл и рокот дизелей, и рев потока боли, захлестывавшего голову:

– Заглушить моторы! Через секунды открываю огонь!

И сразу ударили автоматы.

5

Конечно, Российскому Союзу биофизическое сверхоружие не помешало бы, мы понимаем – но маленькому Татарстану, зажатому со всех сторон Российским Союзом, Уральским Союзом, Башкортостаном, Чувашией, Удмуртией... да не перечислить, кем еще! – оно необходимо просто позарез!

Вячеслав Рыбаков

Там же, тогда же.

Ренат уже собрался предложить стоявшему рядом лупоглазому лейтенанту завершить, наконец, процедуру проверки, пока у КПП не выстроилась совсем многокилометровая очередь – и в этот миг с некоторой оторопью увидел, как вредный старлей и здоровый капитан на секунду разошлись, потом вдруг сшиблись, а потом злобный мент развернул обмякшего собеседника лицом к колонне и что-то заорал, а колонна в ответ врубил моторы и выдавила из своих недр нескольких солдатиков, которые врезали из нескольких стволов. Старлей огрызнулся парой умелых коротеньких очередей и, не выпуская капитана, ловко побежал спиной вперед к КПП. Автоматчики на броне спрятали головы, зато из «КамАЗов», стоявших за транспортерами, начали выпрыгивать пятнистые спецназовцы. Они тут же рассыпались в играющую цепочку и рванули вперед. Одновременно передний БТР тронулся с места и потихоньку покотил за уволакиваемым командиром, как кобра за факиром.

Лупоглазый старший лейтенант, стоявший рядом, рявкнул: «Степанов, Губайдуллин – огонь!» – и, бегло прицелившись, одиночными выстрелами срезал двух ближайших спецназовцев. Потом рванул вперед, к старлею. Степанов, вскинув автомат, но не стреляя, бросился за ним, а побелевший Губайдуллин, закусив губу, загрохотал очередью на полмагазина, норовя попасть в невысокое солнышко.

Ренат гаркнул: «За тачки!» – и, как и собирался десять минут назад, прыгнул через капот *BMW*. Через секунду к нему подполз Славян, а Тимур с Саньком, спрятавшиеся за второй машиной, махнули руками, показывая, что с ними все в порядке.

– Ни хера себе, – сказал Славян. – Малай, тебя всегда так родина встречает?

Малаем Татарина называли только совсем свои – с легкой руки армейского прапора, служившего в свое время в Казани. Наутро после прибытия пополнения из учебки прапорщик Ковтун сообщил помятой казарменной общественности, что рядовой Рахматуллин за свой беспредел будет наказан, потому что бить ногами своих боевых товарищей за невинную шутку нельзя – тем более если ты еще не *egét* (парень), а *malay* (пацан). Больше прапор филологическую разносторонность не демонстрировал никогда, а с Ренатом здоровался за руку – но кличка все равно прилипла.

– Слава, ты чего-нибудь понимаешь? – спросил Ренат в ответ.

– А чего понимать, – коротко подумав, сказал Слава. – Взятие Казани, часть вторая. Сваливаем?

– Надо бы, – согласился Ренат. – А куда?

Они высунулись из-за капота, чтобы увидеть, как старлей с капитаном единым кулем валятся на асфальт, подскочивший к ним лупоглазик, упав на колени, бьет из автомата по надвигающемуся БТР, шоссе вокруг них кипит мелкими фонтанчиками, а сержант отстреливается от рассыпавшихся по трассе спецназовцев. Пару секунд Ренат смотрел как зачарованный: лупоглазый вытащил коллегу из-под капитана и, водя автоматом, поволок его в сторону КПП – старлей Закирзянов брел спотыкаясь, но, похоже, на целых ногах. Степанов стелющимся шагом отступал рядом с ними. БТР остановился, с борта ссыпались двое

в камуфляже, на секунду припали к лежащему капитану, тут же подскочили, подхватив его с асфальта, и подтащили к БТР. Машина издала оглушающую очередь, затянув окрестности вонючим сизым дымом – и, набирая скорость, двинулась вперед. Остальная техника потянулась за ней, на ходу разворачиваясь из колонны в рваную шеренгу.

Головной БТР с флагом рванул за отстающими гаишниками, а второй по широкой дуге двинулся к иномаркам. Какой-то миг Татарин и его люди наблюдали за приближением острого рыла с жадным интересом, потом до всех дошло, что случится через несколько секунд. Они прыгнули в кювет и бросились дальше по непросохшей траве – и только Славка, не обращая внимания на крики «Долбанулся? Раздавит на хрен!» махнул через капот и, оттолкнув слепо пятившегося Губайдуллина, заорал, раскинув руки:

– Стой! Мы русские! Гражданские! Стой говорю, мудила!

В следующий миг он бросился в сторону, едва успев уступить лыжню рычащему БТР. Тот, чудом миновав Славку и явно поплывшего сержанта, на полном ходу врубился в бок «семерки». Иномарка, слегка подпрыгнув, развернулась и легко скатилась в кювет, распуская бывших седоков. БТР сдал чуть назад и врезал короткой оглушительной очередью из крупнокалиберного пулемета по «шестерке». Спасибо, не из пушки, механически отметил Ренат. Впрочем, «Утес» был немногим лучше. Пули вынесли стекла и безнадежно изорвали двери, но каким-то чудом миновали бензобак и двигатель. На этом транспортер счел долг перед немецким автомобилестроением выполненным и рванул к КПМ.

Ренат, не обращая внимания на доносившуюся сверху стрельбу, подошел к скатившему в кювет *BMW* и, сунув руки в карманы, задумчиво попинал уцелевшие зачем-то скаты. В сторону верхней машины пристально смотреть он просто боялся. Подарок сестре безнадежно погиб. Бимер пропитан проводкой как кусок эпоксидки – волокнами стеклоткани. И капризен как избалованная дама на сносях: случайное повреждение любого проводочка может обернуться не погасшей фарой или там заткнувшимся сиди-чейнджером, а глухой блокировкой двигателя и других мелких деталей, необходимых для поступательного движения тачки. Допустим, даже, автомобиль был на ходу и поддавался восстановлению. Но дарить Ляйсанке расстрелянную машину, да еще расстрелянную бэтээром... Ладно хоть багажник уцелел.

Тут Ренат все-таки поднял голову. Багажник не был смят и у лимузина. Это ничего не значило. Пуля, заглянувшая в салон, могла срикошетить в любую сторону. Даже плотно уложенный ящик мог подпрыгнуть при ударе – и разрушить нежную часть своего содержимого. Все могло случиться в этой долбаной жизни, если менты начинали садить в ментов из крупного калибра. Вон как заходятся. Ладно. В любом случае, сохранность груза надо было проверить.

В кювет скатилась любовно составленная подборка экспрессивного мата, а за ней Славян, от избытка чувств доставший из-за пазухи «Стечкина». Он рыдал, скрипел зубами, жалел, что нет при себе ПТУРСа или НУРСа и обещал, несмотря на такую оплошность, прямо сейчас вытащить этих сук из банки и вырвать им по кадыку. Тимур с Саньком стояли рядом, храня мрачное молчание. Сверху поспешно спускался сержант Губайдуллин, серый и обеими руками вцепившийся в автомат. Увидев пистолет в руке Славяна, он застыл на месте.

– Слава, – сказал Ренат. – Не будем вытаскивать. Так сделаем. Готов?

Славян посмотрел на Рената, на машины – сначала нижнюю, потом верхнюю, – на пистолет в своей руке. Сунул «Стечкина» под мышку и сказал:

– Как пионер. Малай, а ты уверен, что так надо?

– Ну, я же не русский, – ответил Ренат. – У меня как бы выбора нет. У тебя есть. Решай.

– Да ладно разводить-то, – сказал Славян. – Погнали. Земляк, – он обернулся к сержанту, – глянь, там гвардия вся проехала?

Губайдуллин сглотнул, хотел что-то сказать, но молча развернулся и выполз к дорожному полотну. Быстро осмотрелся и сполз к тольяттинским.

– Два БТР стоят у КПМ, остальные, наверно, ушли к Нурлату.

– Надо отъехать, – решил Славка. – Уходящих и отсюда бы накрыли, но опасно – увидят, раздавят. И низко здесь. На полкилометра отойдем – самое то будет, и по расстоянию, и по высоте. Поехали.

Славян решительно подошел к машине, пару раз дернул мертво заклинившую дверь, еще раз люто матюгнулся, обошел автомобиль и забрался в салон через дверь пассажира. Лимузин завелся сразу и шепотом, как невредимый. Тимур с Саньком дернулись было подтолкнуть, оптимисты несчастные, но Славян обошелся без посторонней помощи: машина, опасно накрываясь, торпедой вылетела на шоссе и притормозила. Тольяттинские поспешили наверх, сержант озадаченно смотрел им вслед.

Уже хлопнув дверью, Ренат спохватился, распахнул ее вновь и крикнул:

– Сержант, в КПМ какой телефон?

– Старый, советский еще, – растерянно сказал Губайдуллин.

– Молодец, – терпеливо отозвался Рахматуллин. – Номер какой и код?

Сержант запнувшись на секунду, продиктовал и повторил. Ренат поблагодарил, хлопнул дверью, машины с визгом развернулись чуть ли не на месте и умчались в сторону Самары.

Через пять минут на столе у дежурного офицера КПМ «Юг» зазвонил телефон. Дежурный офицер аккуратно выглядывал в окошко, поджидая, не высунется ли из стоявших напротив БТРов еще одна неразумная голова. Поэтому трубку немеющей рукой взял Марсель, который у окна стоять не мог из-за тошноты и головокружения – ладно хоть кровь больше не текла.

– Старшего лейтенанта Закирзянова могу услышать? – осведомился уверенный голос.

– Слушаю, – вяло сказал Марсель. – Гафурыч, ты?

– Не, я Салимзяныч. Мы с вами минут двадцать назад общались, не помните?

Марсель напрягся, вспоминая, с кем это он общался двадцать минут назад. Вспомнив, сообщил:

– На хер пошел, козел, – и начал было вешать трубку.

– Стоять, – рявкнул фэсэошник. – Я тебя сейчас спасти буду, – тут он перешел на татарский. – Слушай тремя ушами. БТРы, я так понимаю, ваш скворечник еще не скovyрнули?

Марсель промолчал. Транспортёры вынесли все стекла на верхнем этаже и смяли пристройку из алюминиевого профиля (там обычно шла торговля пивом и пирогами, но с прибитием казанских ментов торговцам предложили забыть дорогу сюда до лучших времен). Капитальные стены в три кирпича нападавшим разрушить не удалось – может быть, потому, что они не пускали в ход пушки (Марсель не знал, что, на его счастье, организаторы стремительного броска в Казань решили боезапас для пушек у БТР изъять – на всякий случай). Впрочем, надежды самарский спецназ не терял. Ничего другого ему не оставалось: безвестный гаишник, руководивший возведением КПМ, был, похоже, поклонником средневековых крепостей: стены «Юга» были толстенными, окна – узкими, как бойницы, наружные двери – из трехмиллиметровой стали, а оружейка располагалась в сухом капитальном подвале (тоже с железной дверью и даже бетонными ступенями), соответствовавшем не стандартному «скворечнику», а крепкому коттеджику комнат на десять. Так что самарскому спецназу не удалось ни красиво взорвать дверь и ворваться внутрь, ни без изысков расстрелять защитников нурлатской крепости сквозь окна – крупнокалиберные очереди выбивали кратеры в скосах оконных проемов, но внутрь не залетали. Впрочем, капля камень точит – а пуля тем более. Закирзянов понимал, что держаться им осталось в лучшем случае минут

десять. Потом нападавшие пройдут через второй этаж, а то и просто сквозь стену – и тогда оборонявшихся не спасут ни автоматы, ни найденные в оружейке подствольники.

Бандит-фэсэошник молчание понял правильно.

– Значит, не сковырнули. Теперь таким образом. Через пару минут кончайте дергаться и отбегайте от окон куда подальше. Подвал есть? Вот туда и спускайтесь. Эй, ты живой там? Слышишь меня?

– Да, – сказал Марсель, с трудом ворочая немеющим языком. – Ты чего делаешь?

– Родину люблю, мать мою, – сказал Рахматуллин, глядя через плечо набивавшего последние команды и коды Славяна, и отключился.

Через четыре минуты ракеты «Тамерлан» с проникающей боевой частью одна за другой раскроили оба БТР как пустые жестяные банки. Осколки и взрывная волна высекли добрую треть передней стены КПП, но его защитники почти не пострадали. Только Неяпончика, который решил перестраховаться и сбежать в оружейную комнату последним, крепко приложило о железную дверь.

Через три минуты новый залп накрыл другую часть колонны, углубившуюся в территорию Татарстана километров на десять. На сей раз ракеты были оснащены осколочно-фугасной боевой частью, поэтому головной БТР, перевернутый и искореженный, теоретически можно было починить. Но только теоретически. От «Мустангов» же остались лишь пылающие остовы, пара отлетевших в сторону колес – и два десятка обгоревших окровавленных спецназовцев, в шоке рассеявшихся прямо на асфальте. Там их и собрали прилетевшие из Нурлата «воронки».

Один из трех вышедших за ворота Ижевского механического завода экземпляров сверхмалого высокоточного оперативно-тактического комплекса «Тамерлан», предназначенного для поражения малоразмерных и площадных целей на расстоянии от трех до ста двадцати километров, оказался в распоряжении Татарина почти случайно. Насколько он знал, первую же партию построенных в Удмуртии комплексов (после этого ракетные цеха были полностью законсервированы как мобилизационные мощности и завод сосредоточился на выпуске ружей) военные при посредничестве челнинских бандитов попытались продать чеченцам – и дальше в Афганистан. Из патриотических соображений, конечно. Но в последний момент бандиты почему-то передумали, в ходе сделки перебили и военных, и чеченов, всерьез и надолго расчистив свою территорию, а «Тамерланов» припрятали от греха подальше. Правда, один экземпляр дали по дружбе Татарину. Тот как раз начинал расширять свое присутствие в Тольятти и готовился объяснить неизбежность этой перспективы местным чеченцам – так что серьезные аргументы ему были необходимы. Но «Тамерлана» пустить в ход Ренат все-таки не решился, обойдясь менее внушительными методами – и при первом удобном случае постарался вернуть игрушку благодетелям. Несмотря на нытье Славяна, который после Чечни не мог наиграться военными безделушками, потому методом тыка превзошел все премудрости «Тамерлана» и мечтал проверить умение практикой. Мечта идиота сбылась.

Потом Ренат долго размышлял, какой вариант лично для него был бы предпочтительнее, случившийся или тот, что живо представился ему в момент проверки. Татарин просек с пьянящей ясностью и четкостью, что вся бодяга с проверкой документов – умная подстава земляков, разыгравших вполне однозначную ситуацию: бандит с сомнительными фэсэошными корками везет секретное оружие, запачканное в крови десятка человек. Подозрение оказалось напрасным. Но иногда Малаю до испуга хотелось, чтобы этим все и кончилось – был бы арест и, наверное, срок, но не было бы колонны БТР, «тамерлановских» залпов и обгорелых парней – изодранных мертвых и живых, менее изодранных и с растерянными глазами, – которых показывали все каналы планеты.

Глава четвертая

1

*Вот пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва,
будет знать она, что за вещь казацкая сабля!*

Николай Гоголь

Казань.

Май.

Я Галию очень люблю. Она маленькая, но совсем как настоящий человек. И сестра. И она меня любит, улыбается, когда видит, и даже смеется. Вот так: кх-кх-кх. Классно. И выползает встречать, когда я из школы прихожу.

Она – вылитый я. Я не помню, каким был, когда мне год с чем-то было – но фотографии я часто смотрю, где я маленький. Очень похож, только волосы темнее, и морда не такая толстая. И мама говорит, что очень похож. И даже папа не спорит, хотя он всегда спорит. А когда соглашается, смеется так, что не разберешь – может, он опять издевается только.

Но в этот раз я просто как дал бы этой Гальке по башке, и все. Я ведь ее просил как человек, по-русски просил: не трогай корабль Дана, он мне нужен, нельзя, сказал, нельзя! Правда, папа говорит, что Галька по-русски пока не понимает, поэтому с ней надо разговаривать по-татарски. Но это он шутит опять, наверно, потому что откуда она татарский будет знать. Она вообще говорить не умеет. Ба-ба-ба говорит и та-та-та. Но это же не по-татарски. Ну ладно, я ей все равно и по-татарски сказал. Я очень хорошо на татарском говорю, лучше всех в классе. Нет, Искандер Валиуллин лучше говорит. Чуть-чуть. Но все равно последний раз ему на уроке ничего не поставили, и никому не поставили, только мне поставили пять с плюсом. И написали «За активное участие». Потому что я вот так руку поднимал и первым отвечал на все вопросы Мнзии Шагиевны. А папа сам плохо говорит по-татарски, а сам все время говорит, что мы татары, а не русские. Я раньше не верил, потому что в сказках читал, что татары плохие. Поганые. С ними богатыри воюют. И игра есть классная, «Казаки» называется. Там, значит, казаки – они хорошие, ну, такие специальные воины, как будто богатыри тоже, которые врагов побеждают. Правда, я в стратегии еще не очень хорошо играю, зато в Quake у меня вообще классно получается, даже в третий, где нельзя как бог, с бессмертием играть. А стратегии я не очень пока понимаю. Но мой брат Тагир, он сын дяди Рамиля, они в Нижнекамске живут – вот он гости приезжал, и привез диск с «Казаками», и все объяснил. Я скоро научусь. И вот в этих «Казаках» разные враги есть, но главные – татары. Они синие.

Я с этими синими здорово начал сражаться, и рассказал об этом папе, когда он с работы пришел. А он опять рассердился, но не из-за того, что мы долго за компьютером сидели. Папа сказал, что надо говорить не «против татаров», а «против татар». А играть в такую игру – предательство. Потому что мы тоже татары. Нравится нам или нет. И наши отцы, мамы, деды, их деды и бабушки, вообще все, кто был до нас – все были татарами. И получается, что если мы играем за казаков и против татар, то мы воюем против самих себя, и убиваем, выходит, себя – и папу, и маму, и *däw äti*⁷ с *däw äni*⁸, и половину друзей и учителей. Тагир сказал, что мы воюем не против татар, а против татаров, а они плохие, и живут в Австра-

⁷ Дедушка

⁸ Бабушка

лии, и говорят по-немецки. А папа сказал, что никаких татаров нет, есть только мы, татары, и пусть Тагир не выдумывает. Просто игру написали не очень умные люди, сказал он. Раньше все игры делали американцы. Они все время думали, что придется воевать с СССР – это так раньше наша страна называлась, – и поэтому в своих играх делали русских врагами. А теперь наши научились сами писать игры, и стали придумывать своих врагов. Потому что дураки. Ведь когда американцы в компьютере воевали с русскими, это хоть какая-то правда была. СССР с США – это Америка по-другому – на самом деле были как будто врагами. А русские и татары не враги. И казаки никогда с татарами не воевали, и вообще «казак» – татарское слово, как и «богатырь». Тот, кто такие игры пишет, или дурак, или скотина, сказал папа. Я засмеялся и сказал «Скотина!», и Тагир засмеялся и сказал «Скотина!», а папа сказал: «Пацаны. Вы подумайте. Тот, кто пишет игру – он ведь учит всех воевать против татар. И вас, татарчат, учит. И всех остальных. Все научатся, а потом захотят воевать – так получается? Но вам-то я объясню или просто запрещаю играть. А остальным кто объяснит?»

Папа так расстроился вдруг, у него даже глаза грустные стали, как будто я опять заболел. Я, чтоб его успокоить, сказал: «Гады они, кто игру рисовал, и все. Надо было немцев просто врагами сделать – они фашисты, и их всех надо убивать. Правильно, папа?». Папа сразу грустным перестал быть, начал кричать, что неправильно, потому что немцы давно не фашисты, и что не бывает национальностей-врагов, бывают немцы-гады и немцы-хорошие, и татары так же, и русские, и евреи, и хохлы. Про хохлов я хотел сказать, что папа не прав, потому что кто такие евреи, я не знал, зато хохлов как раз знал, с ними Данила в Америке как раз сражался, и всех победил, все они бандиты. Но потом подумал, что тогда папа вообще разорется и в угол опять меня поставит, и просто стал молчать. Папа быстро успокоился, погладил нас с Тагиром по головам и сказал: «Ладно, чего я вас грузю. Не играйте в эту гадость, и все».

Мы и не играли. Только еще три или четыре разика. Но не против татар, а против зеленых каких-то солдатиков. Меня они один раз победили, а один раз я почти выиграл, но меня Тагир отвлек, и я опять проиграл. А Тагир выиграл – ему хорошо, он уже дома играл, поэтому давно научился. А потом каникулы кончились, Тагир уехал и диск увез. А без диска «Казаки» не запускались. Дурацкая игра.

То ли дело «Лего». Это конструктор такой из пластмассовых деталек разных, очень твердых, их только зубами можно расцепить – зато игрушки очень прочными получаются. Пока Галия не схватит. Мне «Лего» вообще больше всего нравится – если не считать компьютера. Хотя, наверное, можно считать. Я к «Лего» всех друзей приучил: они сначала у меня играли, а потом начали просить своих родителей, чтобы тоже купили. Теперь у нас соревнования, кто лучше чего построит. Я обычно побеждаю. Потому что тоже давно научился, а потом, у меня деталей полная коробка, а у Арслана, например, только одна банка с «Биониклом» и один «Лазерный робот».

На прошлой неделе я принес корабль, который построил для Бэнга, в школу. Просто поиграть. А Леха Шаповалов увидел и начал выпендриваться, что у него и корабль круче, и вообще вся серия лазерников есть. Я сказал, подумаешь, у меня не вся серия, а только Дан, Бэнг и Релла, но зато каждому из них я могу одной левой построить по три корабля. И каждый будет лучше, чем у Лехи. Леха сказал, что ни фига, мы начали немножко ругаться, а потом решили, что кто спорит, тот кой-чего не стоит (чего не стоит, я не скажу, потому что маме на прошлой неделе опять обещал не говорить никаких плохих и даже просто грубых слов). Мы договорились, что вот сегодня пятница, потом мы два дня отдыхаем, а потом, в понедельник, каждый принесет в школу корабль, который построит для своих лазерников. И у кого круче, тот и победил. Мы так договорились и обрадовались, а потом зазвенел звонок и начался урок чтение. И я весь урок придумывал, какой классный корабль построю. Одним глазом читал, что Мнзия Шагиевна сказала, а другим подглядывал в тетрадку, в которой

рисовал разные кораблики. Я решил, что мой корабль для Дана будет не такой, как в леговской книжке, а большой, закругленный, чтоб ни на что не был похож. И Леха, как увидит, сразу умрет от восхищения, а потом встанет и скажет: «Нурыч, ты победитель». Тут я подумал, а вдруг Леха начнет вредничать и не признает, что мой корабль лучше. Леха, наверное, про меня так же подумал – хотя он-то мог не беспокоиться, все равно ему меня не победить. Но он, как только началась перемена, побежал к моей парте, а я бросился к его, и мы чуть не столкнулись лбами, и долго смеялись как дураки. А потом решили, что попросим быть судьей Элинку Белялову, которая никогда не врет. Она и установит, кто победитель.

Я хотел показать Лехе рисунок корабля, который построил, а Леха сказал, что не надо, потому что вдруг он такой же придумал, а я потом скажу, что это он у меня подглядел. Я только засмеялся и с жалостью на Леху посмотрел. А он не понял, что я его жалею, и тоже засмеялся. А потом рассказал такое, что я чуть с ума не сошел. У лехино друга, оказывается, есть специальный диск «Лего» для компьютера. С ним можно прямо на экране строить что хочешь, и получается как в жизни. И даже можно команды роботам подавать, если у роботов специальные провода есть. И Леха у друга завтра или послезавтра этот диск возьмет и в понедельник мне даст. Ненадолго. Это будет просто супер. У меня таких, с проводами, наборов нет, но я подумал, что вдруг и без проводов получится. Или папа какой-нибудь провод просто приладит – от видака или сотового телефона, например. У папы ведь проводов много, а Дану не все ли равно. А если он пойдет, я самым счастливым человеком на Земле буду. Как настоящий конструктор из кино про ученых. И Галька засмеется, наверное, кх-кх-кх. Он тоже любит «Лего», но не так, как надо, а как собака кость – все время в рот тащит и пытается разгрызть. Иногда у нее получается. Но я стараюсь не ругаться. Потому что она все равно не понимает, а если громко кричать, смотрит с обидой, морщит лицо и плачет. Горько-горько. А я не могу, когда она так плачет. Я сам плачу от этого. Не всегда, но иногда. Мне ее жалко.

А ей меня не жалко. Я все воскресенье корабль строил, даже на улицу не пошел и обедать отказался. Обычно меня быстро на кухню загоняют, а в этот раз папа почему-то на работу уехал, хотя и воскресенье, а мама все время смотрела телевизор. Там ничего интересного не было – какие-то дядьки что-то быстро говорили, и иногда непонятно показывали кино про войну: то пушки стреляют, то актеры с автоматами бегут, то небо просто с облаками, и стрельба какая-то размазанная слышна. А мама сидела на топчане, который на кухне стоит, и смотрела. Даже нож, которым морковь для плова резала, на стол не положила.

Я, пока возился с конструктором, устал, будто на коньках два часа катался, даже руки дрожали. Зато корабль получился еще лучше, чем я себе представлял. Такой полукруглый, а спереди острый и с крючком, как клюв орла, а по бокам крылья в три слоя и специальные щупальца, а хвостов два, и между ними кран и две пушки. И в кабине не только Дан, но и Релла поместится, а если колпак не закрывать, то и Бэнг – правда, боком. А потом мама спохватилась, что уже поздно и погнала меня все-таки обедать, и я оставил кораблик на полу. А Галька, собака, взяла и все сломала. Хотя я ее еще утром просил не трогать. А она крыло рассыпала и уже крючок с носа начала отгрызать.

Мама прибежала, когда я начал орать, и, как всегда, не Гальку, а меня заругала, а потом вдруг махнула рукой, схватила Гальку, прижала к себе и ушла в спальню. Хотя Галька даже не заплакала, и спать еще не хотела. Я отругиваться не стал, потому что увидел, что на самом деле крыло можно быстро приделать, и все будет как новенькое. Так и получилось – и потом я еще бензопроводы поверху протянул, и кораблик получился такой, что и без всякого диска смог бы полететь. Если бы умел, конечно. Я как посмотрел, что у меня получилось, так и понял, что все, Лехе копец.

Только Лехи в понедельник в школе не было. И Вадьки Егорова не было, и Димона Бельянинова, и Элинки тоже. Но они-то ладно, а Леху я до самого звонка высматривал,

и после звонка тоже, потому что урок все не начинался: Мнзия Шагеевна почему-то задерживалась, хотя давно была в школе: девчонки ее видели.

Мнзия Шагеевна пришла через несколько минут после звонка. И сказала, что мы должны встать и тихо, никому не мешая, перейти в библиотеку. Там вместо столов уже были расставлены парты, много парт, и половина была занята. За ними сидел 1 «Б», и я замахал Арслану, а Арслан замахал мне, но Мнзия Шагеевна сказала, чтобы мы вели себя как следует, потому что идет урок. Он не совсем обычный, потому что мы будем заниматься вот таким объединенным классом – весь день и, быть может, все три дня, оставшихся до каникул (мы с Арсланом переглянулись и беззвучно закричали «Ура»). Потому что Людмиле Сергеевне пришлось срочно уехать.

«Б» класс тоже был не полным, у них не хватало человек семи. Сереги Алексеева не было, и Нинки Прокушиной, и Витали Щербы. Я подумал, что опять началась эпидемия гриппа и даже немного испугался, что могу подцепить вирус и заразить Гальку, когда приду домой. Но в первую же перемену Арслан сказал, что никто не заболел, все просто быстро смотались из Казани, потому что началась война, и русские боятся, что им теперь достанется.

Я сразу сказал, что Арслан дурак, потому что война по-другому начинается: по радио страшный голос говорит, от которого мурашки. И еще Арслан дурак, потому что как может русским достаться, если мы все в России, и какая это Элина русская. А Арслан закричал, что я сам debil, раз ничего не понимаю, как маленький, и что он совсем со мной тогда разговаривать не будет. И на самом деле ушел, сел за свою парту и смотрел там на меня как сыч. Это птица такая, я в книге видел: она на всех как-то изнутри головы смотрит, жутко и сердито. Меня папа сычом обзывает, когда я злюсь, что он не позволил мне в компьютер поиграть.

Подумаешь, я тоже мог как сыч сидеть – да хоть как птеродактиль, это даже интереснее. И девчонки пугаются. Но я просто вышел в коридор, подождал, когда перед самым звонком появится Мнзия Шагеевна и спросил у нее, почему все сразу уехали от нас. Мнзия Шагеевна хотела что-то сказать не по правде, я прямо увидел это по ее лицу. А потом она почему-то передумала и наклонилась ко мне так, что я почувствовал, как она пахнет – чем-то очень приятным и холодненьким, как мороженое из детского кафе, только лучше. Она взяла меня теплыми пальцами за щеки и сказала:

– Нурик. Миленький мой. Они не от нас уехали, они от страха уехали. Испугались, что у нас может стать плохо – и уехали.

Я спросил:

– А у нас правда будет плохо?

Мнзия Шагеевна провела рукой по моей голове, будто я маленький. А меня папа как раз в субботу перед бассейном коротко постриг, так что волосы короткие были и колючие, и ее теплым пальцам, наверное, щекотно стало. Но она не улыбнулась, а помолчала и потом очень серьезно спросила:

– Ну, мы же постараемся, чтобы было хорошо?

Я пожал плечами, потому что не знал, как это мы можем сделать, чтобы всем было хорошо, и чтобы никто не уезжал из дому только потому, что чего-то испугался. А Мнзия Шагеевна сказала:

– А первым делом мы должны хорошо учиться. Сейчас звонок прозвенит. Пойдем в класс, ладно?

Я хотел спросить про войну – правда это или нет, а потом подумал, что тогда Мнзия Шагеевна совсем расстроится, и не стал спрашивать. Мы пошли в класс, и весь урок я сидел тихо и не тянул руку как обычно, хотя «Сказку о мертвой царевне» я прочитал и она мне очень понравилась: страшная, как фильмы, которые папа иногда смотрит, когда меня спать отправляет (а мама не смотрит – она однажды сказала папе: «Айрат, тебе что, в жизни стра-

хов мало?», а папа ответил: «Нет, конечно, я же с тобой живу», а мама зарычала как тигрица и стала бить папу диванной подушкой по голове). Я сидел и думал о том, как я бы уехал из дому. Бросил бы нашу квартиру, книги наши, потому что их так много, что с собой не увезти, двухэтажную кровать, игрушки почти все, наверное. И не знал бы, когда вернусь обратно, потому что чего-то боялся. Я в жизни, наверное, очень сильно ничего не боялся, даже уколов, когда в больнице с воспалением легких лежал – разве что поначалу, а потом почти привык, хотя больно было. Но даже если бы мне грозили каждый час огромным болезненным уколом, или переломом руки, как два года назад, я бы все равно не бросил свой дом. А Леха с Элинкой бросили. Не сами, а их родители. Но они боялись и за себя, и за детей. Я попытался представить себе страх, который мог прогнать их. И вот тут мне стало страшно. Страшно от того, что взрослые люди могут чего-то так сильно бояться.

Дома я спросил об этом у мамы, а она обняла меня крепко-крепко, а потом, через пять минут, наверное (я терпеливо переждал обнимание), попросила меня не думать о печальных вещах, от которых только сильнее расстраиваешься, а пользы от этого все равно никогда не бывает.

Вечером я дождался прихода папы. Он пришел очень поздно, мама меня уже гнала спать. Но я объяснил, что мне необходимо дождаться папу – и она согласилась. Я спросил у папы про такой страх. Но он тоже мне ничего не смог объяснить, хотя обычно все хорошо объясняет – даже слишком хорошо, так что я устаю слушать, и он злится. А в этот раз я только понял, что страх живет внутри человека, это как часть его организма, как сердце или рука, но не такая послушная. И иногда можно с ним справляться, как с непослушной ногой, когда ее отсидишь, а потом потихонечку разомнешь – и она снова действует как тебе надо. А иногда страх разливается по всему телу и отравляет его, как желчь у той круглой японской рыбы, которую недавно по телевизору показывали. Это как яд, только человек от него не умирает, а делается немного другим и хочет жить по-другому и в другом месте. Потому что, как в игре, видит везде врагов. Синих татаров, – так, Нурик? А главное скотство, помолчав, сказал папа свирепым голосом, что есть у нас любители, которых хлебом не корми, дай народ попугать – чтоб до поноса, до инфаркта и до погромов. Это я совсем не понял, но тут папа все равно замолчал, странно посмотрел на меня, поцеловал в щеку и велел идти спать. И я пошел, хотя на мой вопрос он так толком и не ответил – а сам учил, что не отвечать на вопросы невежливо.

В постели я вдруг вспомнил, что не увидел лехин диск. Ну и ладно, подумал я, я еще тысячи их увижу, ведь теперь я знаю, что они бывают. А потом я вдруг заплакал. Не из-за диска. На фиг он мне нужен без Лехи. Я ведь когда корабль для Дана строил, потихоньку представлял себе, что в гости к Лехе приду, или он ко мне придет, и мы будем разговаривать обо всем и, быть может, подружмся. Не обязательно, конечно – но вдруг. А потом каникулы начнутся, и мы вместе купаться пойдем, когда вода в Казанке нагреется, или на Лебяжье озеро поедем. А теперь где Леха, никто не знает. И корабля моего он так и не увидел. А ведь у меня корабль наверняка лучше получился, чем у Лехи.

Тут я подумал, что Леха так же и про свою ерундовую поделку думает. А значит, обязательно вернется. Скоро. И Элинка вернется, потому что она должна нас судить. И Вадя с Димоном, и Серега с Нинкой, и даже Людмила Сергеевна, хотя она вредная училка – я слышал, как она сказала, что достоинства «А» класса (это нашего, значит) и его наставницы (Мнзии Шагеевны то есть) заметно преувеличены.

Пусть говорит что хочет. Когда вернется.

Лишь бы они вернулись. Все. Скорее.

2

*Над городом парит окруженный облаком градоначальник
или, иначе, сухопутных и морских сил Города Непреклонска обер-
комендант, который со всеми входит в пререкания и всем дает
чувствовать свою власть. Около него... шпион!!*

Михаил Салтыков-Щедрин

Казань-Москва.

30 мая

Евсютина вызвали в Москву неожиданно. В четверг позвонил Василий Ефимович, куратор, и попросил подъехать в понедельник с отчетом за период с начала года – и отдельно за последний месяц. Билетов опять не было, даже по брони, которую по заплесневевшей памяти называли обкомовской. Пришлось ехать самому, трясти удостоверением, грозить чуть ли не следственным изолятором. Все равно наглая администраторша рассказала, как в нынешних условиях (вы же лучше меня знаете, что происходит) она не в состоянии чего бы то ни было обещать, – ну правильно, а что ты в состоянии, прости господи, подумал Евсютин отрешенно, – но если товарищ чекист подъедет в воскресенье часам к восьми вечера, то попробуем что-нибудь придумать. У Володи ни сил, ни охоты не было пугаться того, что ближе к вечеру способна придумать эта крашенная титанша. Оказалось, ничего страшного: купе, причем с одним только попутчиком. Две полки остались свободными – СВ да и только. Евсютин поклялся себе, что натравит на этих жуликов, никак не желающих расстаться с совковыми замашками, весь УБЭП с линейным отделом – а если они будут выпендриваться, то на них вторым слоем положит транспортную прокуратуру, а третьим – обычную. Но за вечерним коньяком и легким трепом с соседом (про то, какие дурные паны Придорогин и Магдиев, и как худо от этого чубам разнообразных холопов) отодвинул свои страшные планы – и совсем забыл о них, едва прибыл доложить Фимычу.

Тот сразу убрал коробку с чак-чаком и бутылку «Ханской» в стол и, осмотрев щетинку и дорожную сумку казанца, констатировал:

– Прямо с поезда? Молодцом. В гостиницу поехал бы – все планы известным местом накрылись бы. Известно тебе такое место?

– Так не маленький, – удивляясь идиотскому зачину разговора, отметил Володя.

– Не маленький, – подтвердил Василий Ефимович, глядя на Володю снизу вверх. – Бритва с собой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.